
ТАТЬЯНА ЛЮБИМАЯ
Я ТЕБЯ ТОЖЕ
РОМКИНЫ
Подарки

Татьяна Любимая

Я тебя тоже люблю. Ромкины подарки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71831812
SelfPub; 2025

Аннотация

После расставания с девушкой Роман Вертинский сбегает от назойливых родителей в деревню.

Покой ему не светит и там.

Сначала соседи за стенкой спать не дают, потом приходится расследовать таинственные кражи в местном магазине. Тринадцатилетний парнишка почему-то путается под ногами и кого-то здорово напоминает.

А еще надо спасти странную соседку с маленьким ребенком от нехороших людей и заодно в нее влюбиться. Подождите, от кого, говорите, она родила сына?

Как тесен мир!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Роман. Давай поживем… отдельно	6
Глава 2. Роман. Невыносимая… мама	11
Глава 3. Роман. Сбой Вселенной	17
Глава 4. Роман. Тук-тук-тук	23
Глава 5. Роман. Старый друг	29
Глава 6. Роман. Соседка	35
Глава 7. Роман. Странная дамочка	43
Глава 9. Даша. Помощник	56
Глава 10. Роман. Интуиция	63
Глава 11. Роман. Облом	69
Глава 12. Роман. Романс	76
Глава 13. Роман. Прятки	82
Глава 14. Роман. Непрошеные гости	88
Глава 15. Даша. Бесстрашный	94
Глава 16. Роман. Дядьки	100
Глава 17. Даша. Прошлое – 1	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Татьяна Любимая
Я тебя тоже люблю.
Ромкины подарки

Пролог

Тук-тук-тук.

Открываю глаза. Темно. Это что еще за туки такие?

Высунув руку из-под пухового одеяла, тянусь к телефону. Экран показывает 23:00 и тухнет. Сплю всего час.

Взбиваю подушку кулаком, закрываю глаза.

Тук-тук-тук.

Не показалось.

Тихий стук, как, например, костяшкой пальца, идет из-за стенки, но там полдома пустует, насколько мне известно, уже полгода. В домовых, чертей и привидений естественно не верю, но тут мыслишки об их существовании мелькнули.

Тук-тук-тук снова. Не смешно уже.

– Щас постучу по голове! А ну живо спать! – рявкаю в стену.

– Мама, там барабашка кричит! – раздается за стенкой тоненький испуганный детский голосок.

– Сашенька, там не барабашка, там соседи. Спи, солныш-

ко, – слышу шаги и красивый женский голос. Мелодичный, ласковый. Далее тихий разговор женщины и ребенка, снова шаги.

Тишина.

Тук-тук-тук.

– Саша, дай поспать! – не кричу, но говорю громко.

– А ты не храпи!

– Я не храплю.

– Храпишь!

– Ладно. Больше не буду.

Глава 1. Роман. Давай поживем… отдельно

Откинувшись на спинку сиденья, вот уже полчаса сижу в машине перед подъездом своего дома. Домой идти не хочется.

По радио веселый треп ведущих. Иногда слух цепляют слова, фразы, смех, остальное – фоном. Солнце спряталось за соседней высоткой. Восьмой час. Душно, перед дождем, наверное.

На шум мотора открываю глаза. Напротив остановилась темно-синяя Ауди, окна тонированные. Из машины выпархивает Дина, чуть задерживается на крылечке, оборачивается, взмахивая рукой. Щеки румяные, улыбка…

Ауди, шлифанув колесами, сорвалась с места. Придурок, а если из детей кто выскочит? Двор же.

Еще пятнадцать минут тупо смотрю на дверь, за которой скрылась Дина. Поднимаюсь домой. Дверь отмыкаю своим ключом.

– Дина, я дома! – сообщаю с порога. Разуваюсь.

– Я тоже, – кричит из кухни. – Скоро ужин будет.

– Я не голоден.

Дина выходит из кухни. Не переодевалась, только фартук повязала поверх платья.

– Не голоден? – заглядывает в глаза, тут же отводит.

– Чай попью.

– Аха. Сейчас поставлю.

Тщательно мою руки в ванной. Прохожу на кухню, сажусь за стол. Две чашки налиты, сахарница, вазочка с печеньем. Дина суетится возле мойки.

– Бутерброды нарезать? Хочешь? – не глядя.

– Ничего не хочу. Сядь, Дина.

Вытерев руки о полотенце, садится напротив.

– Ты хотела поговорить со мной, верно? – смотрю прямо в глаза. – По-моему, момент подходящий.

– Аха.

Настраивается. Пышная грудь вздымается с каждым вдохом все выше.

– Ром, давай поживем отдельно? Ну, не сейчас, а вообще… У меня скоро квартира освободится…

Сказала и словно сама испугалась того, что произнесла. Опустила виноватый взгляд в кружку с чаем.

Чего-то подобного я ждал на протяжении последних нескольких недель, поэтому даже не удивился. Не ладится у нас с Диной семейная жизнь. Поторопились мы сходиться, это я понял почти сразу, но решил, что стерпится-слюбится. Притремся, влюбимся, заживем счастливо, детей нарожаем. Когда перед глазами яркий пример семейной идиллии у сестры или лучшего друга, то какое-то время казалось, что и у нас возможно так же. Но нет. Притирались долго, влю-

биться не получилось, остального тем более не намечается. Не всем так везет, как Кире с Пашкой или Глебу с Катей.

– У тебя кто-то есть? – спрашиваю без каких-либо эмоций в голосе. Есть, конечно, сам же видел.

Наверное, надо закатить скандал, схватить гражданскую жену за плечи, встряхнуть хорошенько, наорать, какая она дура…

Только это даст Дине ложную надежду, что у меня есть к ней какие-то чувства, а их нет. Нет, и все, как глубоко в душу ни заглядывай, ни выискивай. Дыра там черная. Дина чувствует, поэтому и позволила себе того, на Ауди.

Пунцовые щеки жены выдают ее с потрохами. Есть. Под ребрами у меня еще там, во дворе, ничего не екнуло, даже мужское самолюбие осталось не задетым.

Дина сжимает кружку тонкими красивыми пальчиками с розовым маникюром, будто замерзла и теперь греется. На левом безымянном пальце блестит рубиновой дорожкой золотое колечко. Раньше она его носила на правом. Не мой подарок. Дина кольцо купила сама на годовщину нашего знакомства. Может быть, мне самому надо было ей его подарить, но тогда бы она могла расценить это как помолвку, а жениться я не готов. На Дине не готов.

Дина девушка красивая. Волосы вьются мелкими кудряшками вокруг хорошенького личика. Улыбка у нее приятная, фигура стройная. Такую девушку без внимания не оставит разве что только слепой. Зрячие цветами одаривали часто.

Как ни приду в «Карамельку», у Дины за стойкой новый букет. «От поклонника», – отвечала кокетливо. Я для вида злился, потом забил. Зачем играть обиженного, если на самом деле это не трогает? Я ж не актер.

В «Карамельку» ходить стал реже и реже, потом и вовсе перестал. «Пьяную вишню» родителям теперь зять покупает, а я налегке или с тем, что мать закажет в городе.

– Прости, Ром…

– Мгм.

Чувствую себя неуютно в собственной квартире. Чужим. И вокруг все чужое: эти кружки, что Динка купила на первой неделе как сошлись, занавески в цветочек, полотенца, чайник. Куда ни глянь – все не мое.

Оставаться здесь не хочется.

– Я у родаков пока поживу. Как съедешь, сообщи.

Поднимаюсь из-за стола, иду в спальню. Несколько секунд стою посреди комнаты. Забыл, что хотел сделать. Ах да, надо ж вещи собрать.

Достаю с антресолей чемодан и начинаю складывать все подряд: рубашки, брюки, что висят в левом углу. В правом – вещи жены, теперь можно сказать – бывшей. Туда же кидаю носки, трусы, майки. На первое время хватит.

Чувствую спиной Динкино присутствие.

– Когда планируешь съехать? – спрашиваю, не оборачиваясь.

– Через неделю у квартирантов закончится срок аренды…

Продлевать не буду.

А почему не к Нему? Хотя мне все равно.

– Хорошо, – киваю, не глядя.

У Дины двушка в старой части города, досталась ей от бабушки. У меня трешка почти в центре. Когда съезжались, вопросов, где жить, не возникло.

Засовываю галстуки в чемодан, хотя на кой они мне – убей, не пойму. Купил один, чтобы был, второй Дина подарила. Ни первый, ни второй ни разу не надел.

Застегиваю чемодан, пихаю в боковой карман зарядку от телефона.

– Вроде все, – говорю скорее себе, осматривая комнату.

– Ром, – Дина подходит ближе, заглядывает в глаза. – Ты не сердишься на меня?

– Все нормально, кудряшка, – улыбаюсь ей уголком губ. – Не вышло у нас, бывает. Давно пора было разойтись. Не скучай.

Трунькаю ее по носу, беру чемодан, иду на выход.

Только когда закрываю за собой дверь, чувствую облегчение.

И почти сразу напрягаюсь, представляя реакцию родителей.

Глава 2. Роман. Невыносимая… мама

Принять расставание с нелюбимой женщиной легко. Уйти – еще легче. Самое сложное – объяснить это родителям, которые готовятся к свадьбе единственного сына и при каждом моем приезде заглядывают в глаза с единственным вопросом: «Когда?»

Понимаю Киру, которая, будучи не замужем, навещала предков раз-два в год. Я – каждые выходные. Где что помочь, да и просто от города и работы отвлечься, в баньке с березовым веничком попариться да с отцовским животворящим эликсиром из натурпродуктов… Релакс.

Приезжаю к своим за час до полуночи. Мои, естественно, переполошились, вопросами засыпали, не отбиться. Даже поздний ужин в глотку не лезет. Ну его.

– Мам, бать, устал я. Давайте все расспросы завтра, ладно? С ног валюсь.

Сваливаю к себе в комнату. Раздеваюсь, вырубаюсь. Завтра, все завтра.

Неделю в отчем доме перекантуюсь как-нибудь. Главное – выжить среди расспросов, промывки мозгов, завуалированной жалости и огромного желания матери помочь младшему устроить семейную жизнь. Как Киру замуж выдали – меня

взялись обрабатывать, и тут я явился в отчий дом опять холостой. Засада.

За завтраком напряженная тишина. Мать ждет моей исповеди, отца нет – на рыбалку на рассвете уехал. Пишу смс Глебу, чтобы позвонил минуты через три-четыре.

– Рома, что случилось? – проникновенным голосом спрашивает родительница, дождавшись, когда я прожую последний бутерброд. – Мы с отцом всю ночь не спали… Вы с Диночкой поругались?

– Мы с Диной расстались. "Я свободе-ен, словно птица в небесах", – напеваю играючи. Отпиваю чай из кружки.

– В смысле расстались? – шокированно. – А свадьба?

– Мы не собирались жениться.

– Это вы не собирались, а мы готовились!

Глеб звонит вовремя.

– Извини, мам, это по работе, – сбегаю на улицу.

– Алло, привет, дружище!

– Доброе утро, Ромыч. Что у тебя стряслось?

Фоном слышу звонкие голоса детей – что-то делят между собой. Катя уговаривает помириться.

– Я у родителей. С утра готовлюсь к выносу мозга по поводу расставания с Диной.

– Все-таки расстались?

– Да, вчера.

Глеб выдерживает паузу, наверное, не может определиться: сочувствовать или поздравлять.

– Что делать планируешь?

– Пока поживу здесь. Отпуск дашь? Неделю-две, больше не надо.

– Окей, бери. Хотя я бы на твоем месте, наоборот, работой отвлекся.

– Не надо тебе на мое место, – смеюсь. – У тебя дети.

– О да, у меня много детей, – в ответ смеется Полежаев. – Илюшка тоже у нас. С Костей вон кота делят. Ксюха на сохранении лежит, а Влад ремонт делает.

У всех дети. Кира с Павлом вот тоже о втором думают.

– Ясно. Ладно, давай, если что – я на связи. Своим привет!

Возвращаюсь в дом. Мать ждет в зале. По лицу вижу – речь приготовила.

– Отпуск взял, – машу рукой с зажатым телефоном. – Отец говорил, надо крышу в сарайке заменить?

– Да какая крыша, Рома! – мать всплескивает руками. – Сто лет стояла и еще сто лет простоит. Лучше скажи, что с Диной делать будем?

Сажусь на диван, ищу пульт от телека, включаю.

– С Диной МЫ ничего делать не будем. Забудь о ней.

Щелкаю каналы. Сериал, может, какой показывают? Глядишь, отвлечет мать.

– Но как же так, Ромочка? Почему? – мама, загораживая экран, останавливается напротив, заламывая руки. В глазах слезы и щемящая жалость.

– Ма, мы оба решили, что так будет лучше, – скрывая раз-

дражение, в сотый раз повторяю матери. От ее стенаний и метаний по залу разболелась голова.

Надо было реально на работу ехать.

– Дина такая хорошая девушка, – мать начинает делать новые круги по комнате. – Красивая, умная, всегда приветливая. Слова мне плохого не сказала. Я не понимаю, что не так? Ой, Ромочка, – осеняет ее, – ты ей изменил и она тебя не простила? – мать ахает и плюхается в кресло. В глазах – тихий ужас.

Возвожу глаза к потолку. Невыносимо!

– Она тебе изменила?! – по-своему понимает мое молчание родительница.

– Никто никому не изменял! – цежу зло сквозь зубы. Чую, зря я сюда приехал. Выключают мне здесь мой несчастный мозг, останусь инвалидом. – Мы просто решили пожить отдельно. Решение обоюдное и добровольное!

– Это потому, что ты до сих пор не сделал ей предложение! – уверенно выговаривает мать. – Все девушки хотят замуж, а когда любимый мужчина молчит, она начинает нервничать, говорить глупости. Немедленно поезжай за кольцом и цветами и делай ей предложение!

– Ты в своем уме? – вот-вот меня взорвет, совсем чуть-чуть осталось. – Мы рас-ста-лись! – по слогам пытаюсь донести до безумной женщины истину.

– Как расстались, так и сойдетесь! Диночка лучшая женщина из всех, что я знаю!

– Вот и женись на ней сама! – я все-таки взрываюсь.

Взбесила.

Мать закрывает лицо руками и тихо плачет. Плечи дрожат, сама такая маленькая и беззащитная, а тут я, тридцатидвухлетний детина метр восемьдесят в высоту, на нее кричу. Идиот.

– Ма, – присаживаюсь на подлокотник, ласково обнимаю мать за плечо. Она льнет ко мне, всхлипывая. Снижаю интонацию: – Прости, что накричал. Не плачь, не надо. Ну, никто же не умер. Будет у тебя другая невестка, тоже хорошая, даже еще лучше. А Динка… ну не моя она, понимаешь? Не люблю я ее.

– Это потому, что у вас детей нет. Вот родили бы ребеночка…

Снова здорово. Идем на новый круг.

– Ма-ма! Ну не рви ты себе сердце, умоляю!

– Глупый мой мальчик. Зря не слушаешь советы старших. Мы с отцом плохого не посоветуем, у нас опыт…

– А у меня свой опыт. И если я в чем-то или ком-то ошибаюсь, это мои ошибки, понимаешь?

– Ты молод и думаешь, что все еще впереди. А потом наступит момент, когда осознаешь, что все – жизнь закончилась, а прожил ее зря – ни семьи, ни детей, и стакан воды некому подать…

– Я живу уже не зря. Знаешь, сколько мы с Глебкой классных шкафов людям понаделали? Вот уже память. Детскому

дому помогаем – ребятишкам радость. А стакан воды я и сам себе налью. Или вон, батин самогонный аппарат к капельнице подключу.

– Ой, дурак! Я ему про Фому, он мне про Ерему. Вот этот канал оставь, я кино посмотрю.

Наконец-то.

– Ага, – с облегчением сваливаю к себе в комнату.

Глава 3. Роман. Сбой Вселенной

В открытое настежь окно надрывно орут соседские петухи. Соревнуются, кто кого перекукарекает. Встать, закрыть створки неохота, а подушка на голове от утренней переклички птиц не спасает. Все равно не усну уже.

Рывком поднимаюсь с кровати, кручу мельницу, делаю повороты корпусом. Голова гудит. Вчера с отцом поговорили «за жизнь». Он в высказываниях резче, чем мать, но суть та же – Динка хорошая, надо жениться, нет ребенка – нет семьи и т.д., и т.п. Под конец, когда «за жизнь» осталось на донышке, батя все же признал, что без любви и ребенок отношения не спасет.

О том, что Дина уже нашла мне замену, от родителей умалчиваю. Не хочу порочить репутацию девушки. Не по-мужски это.

Натягиваю шорты, футболку, иду в ванную, потом на кухню.

На столе стопка блинов, пиала со сметаной, горячий заварник со смородиновым листом.

Зажимаю в зубах блинчик, прихватываю кружку чая, выхожу на веранду. Слышу голос матери. Она в саду с кем-то громко разговаривает по телефону.

Отцовская спина мелькает в стайке.

– Олег! – мама зовет отца. В голосе жалобные нотки.

Ждет, когда отец подойдет к ней. Что-то эмоционально рассказывает ему. Мне отсюда разговор не слышно.

Идут вместе в дом.

– Ромочка, доброе утро! Пойдем, покормлю тебя, – рассеянно зовет за собой.

– Я поел. Что-то случилось? – допивая чай, из-под обода кружки смотрю на родителей.

– Из агентства недвижимости звонили. Говорят, на бабушкин дом покупатель нашелся. Надо бы съездить вещи какие собрать, да вообще посмотреть, что к чему. А у меня розы, цыплята вот-вот вылупятся, оставлять боязно, а там, боюсь, за два дня не управимся.

– Так давайте я поеду.

– Нет уж, мы сами! Ты давай к Дине поезжай мириться.

Закатываю глаза.

– Мы не поссорились. Мы расстались. И поеду в деревню я! У меня все равно отпуск. Список составь, что оттуда забрать надо.

– Отец, ну хоть ты скажи ему! – умоляюще смотрит мать на отца.

– Да, – тот машет рукой. – Пусть делает что хочет.

– Олег! – с отчаянием. – Рома!

Не слушая излияний, оставив кружку на перилах веранды, разворачиваюсь и иду к себе в комнату.

Чемодан до сих пор не разобран – как чувствовал, не лез в него. Кидаю в спортивную сумку только мыльно-рыльное

да прочую мелочь, какой пользовался эти два дня. Осматриваюсь напоследок. Моя комната в родительском доме с видом на сад всегда была моим островком спокойствия. Сейчас у Вселенной, видимо, произошел какой-то сбой. Ноги сами несут отсюда. Мысленно я уже в деревне, в бабушкином доме. Сама бабушка тоже там. Живая, веселая. И я, только что закончивший школу и уже попавший в списки поступивших в универ. Зеленый еще. Безбашенный.

Дом бабушка завещала мне и Кире – и вот покупатель. Надо ехать.

– Все, вещи собрал, если что – я на связи. Приеду, позвоню, – отчитываюсь, напяливая в прихожей кроссы.

– Рома, позавтракай хотя бы!

– Не хочу, мам, я перекусил.

– Подожди, я тебе с собой блинчиков положу!

Не отвяжется ведь.

– Жду.

Закидываю чемодан и сумку на заднее сиденье.

– Дозор, дружище, – треплю лохматую голову пса, – не скучай тут. Детей не пугай, родителей охраняй, чужих можно покусать, – последнее шепчу ему на ухо.

Дозор стоит передними лапами у меня на груди. Влажный розовый язык свесил меж клыков, дышит громко, а глаза грустные. Понимает, что друг уезжает.

– Я ненадолго, – обещаю ему.

– Вот, Ромочка, – мама сует в руки тяжеленький пакет.

– Ого! Куда столько?

– Дорога дальняя, пригодится. Тут и термосок с чаем, и блинчики. Бутербродиков еще настрогала.

– Спасибо, мам. Не стоило. Столько кафешек по пути.

– Да что эти кафешки! Одна зараза в них. А тут домашнее, вкусное… – голос подрагивает. Чуть-чуть – и расплачется, будто я на год уезжаю. – Я тете Стюре позвонила, предупредила, что ты приедешь, она порядок там наведет.

– Ага.

Пытаюсь вспомнить тетю Стюру – бесполезно. По рассказам матери она напротив бабушкиного дома живет, приглядывает.

Батя подходит.

– Аккуратнее там, – напутствует.

– Само собой. Ладно, поеду я. Привет всем передавайте!

– Передадим!

До поворота вижу в зеркале заднего вида фигуру матери. Ну вот, расстроилась.

Расстояние в сто пятьдесят километров преодолеваю без проблем. Ловлю кайф от дороги и одиночества, мозг расслаблен.

После указателя на бабушкину деревню начинается форменное безобразие.

Дорогу развезло. Ее и так никогда не асфальтировали, а грейдировали в лучшем случае в прошлой пятилетке. Ма-

шина вязнет в грязи, два раза буксовал, но выбрался, на третий застрял капитально, пришлось ждать попутный транспорт, чтобы вытащили.

До деревни добираюсь уже затемно. Улицы без освещения, в домах редко где горит свет. Подъезжаю к бабушкиному дому. Фары замирают на зеленых деревянных воротах с нарисованным когда-то мелом номером 16-2. Зеленая краска выцвела и местами облупилась.

«Ну вот, Роман Олегович, пристанище твое на недельку-другую. Проходи, обживайся», – поздравляю себя с новосельем.

Глушу машину. Выхожу в темноту, задираю голову к небу. В детстве любил смотреть на звезды. Они здесь как алмазная россыпь на бархате – крупные, яркие, близкие. Сейчас не видно их. Тучи заволокли все до бледного горизонта. Похолодало.

В вырезанное потайное «окошко» в воротах просовываю руку, открываю засов, распахиваю створки. Загоняю машину за ограду. На доме увесистый замок, ключ за ставней. Всегда там висел, сколько себя помню.

В сенцах пахнет плесенью, сыро.

Нащупываю выключатель, щелкаю.

– Да будет свет!

Лампочка советских времен загорается под потолком. Чистенько, но вот тот запах печеных пирогов, с которым бабушка ассоциировалась, исчез.

После похорон бабы Ани родители иногда приезжали сюда. Я – ни разу.

В доме ничего не изменилось. Все вещи, пожелтевшие фотографии, мебель лежат и висят на своих местах.

Наскоро поужинав бутербродами и остатками чая из термоса, тушу везде свет, падаю в кровать. Устал мертвецки. Тело расслабляется на хрустящей простыне, подушка слегка пахнет стиральным порошком. Взбитое пуховое одеяло укутывает теплым облаком.

Из последних сил пишу смс матери, что доехал.

Проваливаюсь в сон.

Тук-тук-тук.

Глава 4. Роман. Тук-тук-тук

Тук-тук-тук.

Открываю глаза. Темно. Это что еще за туки такие?

Высунув руку из-под пухового одеяла, тянусь к телефону. Экран показывает 23:00 и тухнет. Я лег час назад и вырубился. Будильник стоит на 6:30 – как на работу, забыл отключить. Ладно, пусть.

Взбиваю подушку кулаком, закрываю глаза.

Тук-тук-тук.

Не показалось.

Тихий стук, как, например, костяшкой пальца, идет из-за стенки, но там полдома пустует, насколько мне известно, уже полгода. В домовых, чертей и привидений естественно не верю, но тут мыслишки об их существовании мелькнули.

Тук-тук-тук снова. Не смешно уже.

– Щас постучу по голове! А ну живо спать! – рявкаю в стену.

– Мама, там барабашка кричит! – раздается за стенкой тоненький испуганный детский голосок.

Не черти, не домовой и не привидение. Жильцы новые. С ребенком. А слышимость, оказывается, здесь никакая. Будто картонкой отгорожены. Надо отдирать обои и пропенивать щели. Еще бы по-хорошему звукоизоляцию нормальную сделать, иначе прощайте, спокойные ночи.

А впрочем, я же здесь ненадолго, и хорошая звукопроводимость – это уже головная боль будущих хозяев бабушкиной половины.

– Сашенька, там не барабашка, там соседи. Спи, солнышко, – слышу шаги и красивый женский голос. Мелодичный, ласковый. Далее тихий разговор женщины и ребенка, снова шаги.

Тишина.

Тук-тук-тук.

– Саша, дай поспать! – не кричу, но говорю громко.

– А ты не храпи!

– Я не храплю.

– Храпишь!

– Ладно. Больше не буду.

Утром открываю глаза по привычке за две минуты до будильника. За окном темный рассвет – дождь идет, а я хотел машину сегодня от грязи отмыть.

Моргаю часто-часто – в глазах туман. Ни черта не выспался, от этого голова гудит. А все потому, что крутился большую часть ночи, чтобы не храпеть. Хотя я уверен, что не храплю. Дина бы сказала.

Будильник на телефоне срабатывает четко в 6:30. Ненавязчивая мелодия разбавляет тишину комнаты. Тянусь за мобильным, чтобы выключить звук и тут же опять: тук-тук-тук.

– Барабашка, ты проснулся? – из-за стенки тонкий голо-

сок Сашки.

– Проснулся. Только не говори, что это я тебя разбудил.

– А кто?

Забавный ребенок.

– Спи, я больше шуметь не буду.

– Почему?

– Дела пойду делать.

– А какие у тебя дела?

Женский голос мягко бубнит и не дает моему собеседнику (или собеседнице) продолжить беседу. Это хорошо, а то чую, вопросов там вагон и маленькая тележка.

Из-под теплого одеяла вылезать не хочется, но надо. Бодро подскакиваю, машу руками, плечами, поворачиваюсь корпусом влево-вправо. Разогреваюсь. В спортзал бы походить, но тут, наверное, его нет.

Ручной умывальник без воды, ведра и чайник пустые.

Накинув штаны и куртку, иду за водой. Колонка через дорогу у дома напротив.

Утренний воздух бодрит прохладой.

Пока ведра заполняются, осматриваюсь, по памяти выхватывая знакомые места.

Улица широкая, почти вся из двухквартирных домов. Кованые и деревянные палисады с шафранами, астрами, циниями. Черемуха в каждом втором палисаде, рябина, усыпанная оранжевыми гроздьями, береза. Живут люди в деревне, это хорошо.

Перевожу взгляд на бабушкин дом. Он тоже двухквартирный. На моей половине свет в кухонном окне, у соседей темно. Спят, наверное. Я бы посмотрел на Сашину мать – обладательницу красивого женского голоса. Надо познакомиться с соседями при случае.

Набираю два ведра, тащу домой.

Наливаю в чайник воду, ставлю на плиту. Проверяю шкафчики – еды нет, холодильник вообще отключен. Да уж, сюда из ресторана зятя заказ не сделать.

Не дожидаясь, пока согреется чайник, выключаю его. Собираюсь в магазин. Вчера проезжал по деревне, приметил один, недалеко отсюда.

Чертыхаясь и сетуя на грязь, что облепила до шнурков кроссовки, дохожу до магазина.

Человек двадцать возле крыльца стоят. Женщины одни, в основном пожилые. Галдят, друг друга перебивают, руками машут. Машина полицейская рядом.

Здесь всегда так людно?

– Здравствуйте! – протискиваюсь ко входу.

Галдеж замолкает. Женщины вразнобой здороваются. Осматривают меня подозрительно с ног до головы, шушукаются. Понятно, что в деревне все друг друга знают, а тут, считай, приезжий. Мельком всматриваюсь в лица – никого не узнаю. Меня, кажется, тоже.

В магазине за прилавком стоит девица лет двадцати семи. Яркая, фигуристая. Глаза зеленючие.

По эту сторону полицейский в форменных брюках и рубашке, сверху куртка. Фуражка возле весов лежит. Мужчина пишет что-то на подложке.

– Здравствуйте! – здороваюсь с ними тоже.

– Здравствуйте! – в голос. Уставились на меня изучающе.

– Капитан Метелкин Михаил Андреевич, участковый, – представляется полицейский, раскрывая корочки. – Ваши документы.

Хлопаю себя по карманам.

– Документы в сумке, сумка дома.

А сам в голове прокручиваю: Метелкин, Метелкин. Фамилия знакомая.

– Михаил? – вспоминаю. – Михаил Метелкин? Не узнаешь, что ли? Я Роман Вертинский, внук Анны Николаенко. Мы с тобой дрались салагами, помнишь?

– Ромка! – спустя несколько секунд озаряется воспоминанием лицо Михаила. Мне уже радостно, что хоть одно знакомое лицо в этой глуши встретилось. – Ты какими судьбами здесь, чертяка?

– В отпуск приехал, дом к продаже подготовить. А ты здесь, значит? Капитан! Офигеть! – хлопаю его по плечу. – Матерый какой стал, я б ни за что не узнал!

– Сам-то кабан ого-го, – несильно бьет меня кулаком по прессу.

– Это ты еще кабанов не видел, – усмехаюсь, вспоминая зятя.

– Так, Ромка, я сейчас при исполнении, дождись меня, поболтаем.

– Хорошо.

Продавщица с интересом за нами с Мишкой наблюдает, наяривая жвачку.

– А меня Марией зовут, – ручку тонкую кокетливо через прилавок тянет. А ничего так девушка, кровь будоражит. Чувствую, заскучать мне здесь не дадут.

– Очень приятно. Роман, – пожимаю, широко улыбаясь в ответ. Задерживаю пальчики, откликаясь на заигрывания. Я ж теперь свободный, можно интрижки заводить.

– Выбрали что-нибудь?

– Нет еще. Сейчас, – отвожу взгляд на полки. Выбор невелик, это вам не городской супермаркет.

– Не торопитесь. Я до семи часов работаю, – наклонив голову, каштановую прядку на пальчик наматывает.

– Аха, понял, – подмигиваю ей. – Учту.

– Так, Светова, – обрывает наши с Марией томные переглядки Михаил, – прочитай и подпиши. И приписочку сюда «С моих слов записано верно».

– Готово, Михаил Андреевич, – Мария отдает подложку полицейскому. – Найдете вора-то?

– Постараемся, – бурчит участковый, запихивая протокол в папку.

Глава 5. Роман. Старый друг

Загрузившись двумя пакетами еды, в сопровождении Михаила выхожу из магазина.

– Давай ко мне в отделение, поболтаем, чайку попьем, – Миша кивает в сторону машины.

– Чайку я с удовольствием. Дома даже заварки нет, позавтракать нечем.

– Так, дамы, расходимся! Не мешайте следствию! Вон, посмотрите, все следы затоптали! – прикрикнул на галдящую толпу женщин страж порядка.

– Какой ты грозный, – усмехаюсь, когда он садится за руль.

– Должность обязывает. Их не разгонишь – неделю стоять будут.

Михаил заводит УАЗик. Лихо разворачивается в обратную сторону. Смутно припоминаю, что вот там, на соседней улице, был полицейский участок, туда и едем.

– Что у вас тут случилось?

– Магазин обворовали ночью.

– Ого! Много украли?

– Да так, по мелочи: чипсов несколько пачек, шесть бутылок водки, шоколад.

– Интересный набор, – усмехаюсь.

– И не говори. И что самое удивительное – следов взлома

нет.

– Продавщица?

– А смысл?

– Отпечатки? Собаку пустить?

– Шутишь, что ли? Какие у нас тут собаки и тем более отпечатки. Сам искать буду. По дворам пойду. Ты где, говоришь, остановился?

– На Садовой шестнадцать, два.

– А, точно. Приехали.

Чищу кроссы от грязи травой.

– Мда, – усмехаюсь, – сходил, называется, в магазин за хлебушком, теперь хоть выкидывай. А были почти новые.

– Сапоги купи или галоши, тут по-другому никак после дождей.

– Придется.

Отделение полиции встречает тишиной.

– Проходи. Я тут один служу.

Снимаем куртки. Осматриваюсь.

Стены до половины обшиты вагонкой, выше побелка. Мебель совдеповская, принтер старенький, факс на сейфе, отечественный метровый холодильник с чайником наверху. Одинокий круглый плафон на беленом потолке, на столе настольная лампа, стационарный телефон, бумаги. И только фотография главнокомандующего в рамке на побеленной стене выбивается из общего антуража.

Михаил щелкает чайником. Сгребая бумаги на угол стола,

выставляет кружки, упаковку дешевого чая, сахар. Из холодильника достает сало, хлеб, помидоры.

Живот голодно урчит.

– Вау!

– Давай, налегай, дома ж, говоришь, нет ничего.

– Неа, – забиваю рот едой, кайфуя.

Пока ем я, Михаил рассказывает о себе.

После школы в техникум поступил, потом армия, а после армии вернулся в деревню и устроился в полицию. Сначала дядьке помогал за порядком следить, он у него в отставке теперь, хворает. Теперь вот Мишка один работает. Звание недавно получил. Женился, дитенка ждут, уезжать не планирует. И нет, здесь ему не скучно.

– Ну, а ты где как? – закончив краткую биографию, Метелкин разливает чай по кружкам, бросает пакетики.

– На пару с другом открыли мебельную фабрику, работы хватает. Сейчас в отпуске, говорят, дом хотят купить, вот приехал вещи кой-какие забрать, да и просто отдохнуть.

– Отдохнуть – это хорошо. У нас тут воздух – ложкой есть можно. Слушай, если ты такой спец по мебели, может, глянешь, что с этой рухлядью сделать можно?

Миша махнул на шкаф позади него. Вот реально рухлядь.

– Разобрать и выкинуть, новый поставить, – выношу вердикт. – Если финансово потянешь.

– Займешься? Деньги есть.

– А че готовый не купишь?

– Я хочу во всю стену и двери откатные. И чтоб полок много было, а то видишь, – кивает на стопки бумаг и папок на стуле в углу, – класть некуда, а уничтожать нельзя.

– Ого, сколько. Это все твое?

– Не, тут еще три поколения до меня складывали. Мое пока вот и вот, – показывает на кучу на столе и коробку на полу.

– Ладно, будет тебе шкаф. Но! – поднимаю палец вверх. – Материал оплачиваешь ты, за работу беру обедами.

– Заметано! Как удачно ты к нам приехал, – расцветает друг детства.

Да уж, отпуск, называется.

Достаю из кармана любимую рулетку. Ну как любимую. Уже сбился, которая по счету. Половине детдомовских ребятишек задарил, пора для нового поколения покупать.

Измеряю стены, записываю цифры в телефон. Жаль, ноут не взял, так бы в программе за пять минут несколько вариантов сварганил. Кто ж знал, что работать придется. Теперь буду по старинке – на бумаге рисовать, заодно азы черчения вспомню.

– Я тебе варианты накидаю, завтра принесу, а то времени в обрез. Спасибо за завтрак, я пойду? Пару-тройку листиков прихвачу для эскизов, – вытягиваю из старенького принтера чистые листы.

– Аха. Соседке своей передай, чтобы зашла ко мне. Надо ей временную прописку оформить.

– Соседке? – торможу у выхода. – Это которой?

– Той, что за стенкой у тебя. Недавно поселилась у нас, надо познакомиться. Или уж самому заехать? – Мишка задумчиво перебирает пальцами по столу.

А соседка, значит, без мужа…

– Я передам, – взыграло мальчишеское желание первенства.

Выходим на улицу. Мне надо забрать пакеты из полицейской машины.

– Здравствуй, дядь Миш! – окликает его русоголовый паренек лет двенадцати. Велосипед к забору прислонил, сам руки в карманы спортивного костюма засунул, большие пальцы наружу. – Нашел?

– Ищу, Леха. Привет! – по-мужски пожимают друг другу руки.

– А это кто? – Леха кивает на меня. Изучает, щурясь из-под длинной челки. Серьезный такой.

– Роман, – протягиваю ему руку тоже. – Мы с твоим дядь Мишей бока друг другу мяли в детстве.

– А-а, и кто кого? – мотает головой, откидывая волосы с лица.

– Я его! – хором, показывая пальцами друг на друга.

– По-нят-но, – тянет пацан, усмехаясь уголком губ.

– Ладно, – смеюсь, – пора мне. Завтра увидимся. Миш, машину открой.

– Открыта. У меня не сворują, – с усмешкой.

– Боятся?

– Уважают! – гордо. – Может, подбросить все-таки до дома?

– Не, я сам. Прогуляюсь, воздухом вашим подышу.

– Ну, смотри.

Глава 6. Роман. Соседка

Дважды! Дважды я чуть не навернулся в грязь, поскользнувшись. Один раз едва не приземлился рядом с коровьими лепешками. Я успел забыть некоторые прелестные нюансы малых населенных пунктов. У родителей в поселке все как-то более цивилизованно.

По пути раз пятьдесят сказал «здравствуйте», «я внук Анны Николаенко, нет, жить тут не планирую» и «обязательно куплю галоши. Или сапоги». Деревня – три улицы, а народу в ней…

– Рома! – возле дома окликает кто-то скрипучим голосом.

Оборачиваюсь. Наискосок через дорогу спешит щупленькая седая бабулька с прозрачным пакетиком красных помидоров.

– А я думаю, ты не ты, – машет рукой. – Ишь какой стал! – подслеповато заглядывает снизу вверх бабушка, приблизившись. – Похо-ож.

– Тетя Стюра? – догадываюсь.

– Я, да. Как устроился-то? Мне вчера как Алена, мать твоя, позвонила, так я и побежала дом к твоему приезду готовить. Хорошо, Иринка помогала, одна бы я не управилась.

– Иринка – это…

– Соседка твоя. Хорошая женщина, сговорчивая. За любую работу берется. Уж я из Алениных-то ей половину за-

платила…

Ирина, значит. С интересом поглядываю на соседские окна.

– Сынок у нее такой забавный мальчишка. Пугливый только… Тебе, Рома, если что надо, так ты приходи. У меня яички куриные, гусиные, молочко есть. С огорода чего недорого отдаю. На вот, помидорки попробуй, только с грядки.

– Оу, спасибо!

– Ток ты ко мне приходи. К Матрене не суйся, она свои грядки химией поливает, а у меня все чистенькое. Вон тот дом мой, с рябиной. Ох, и рясная в этом году, зима суровая будет.

– Понял, – улыбаюсь, слушая старческий голос соседки, – приду. Спасибо, теть Стюра.

– Да какая я тебе тетя, – смеется, – мы с твоей бабушкой ровесницы были.

– Аха-ха, понял. Баба Стюра.

– То-то же. Ну давай, отдыхай, милок.

Дома раскладываю покупки в шкаф и холодильник.

Листы оставляю на кухонном столе, чтобы не забыть заняться эскизами.

Кручу в руках бисквитный рулет в шоколаде и вафельный торт – в магазине выбор небогатый. Ломаю голову, что из этого взять для знакомства с соседями. С пустыми руками же не пойдешь.

Если предположить, что меня пригласят на чай и я, ко-

нечно же, останусь… Рулет маленький, на троих – два раза откусить и до свидания. Торт можно есть дольше.

Оставляю рулет на потом.

Окидываю себя критическим взглядом в зеркало. Небритый, но в отпуске можно. В остальном – норм.

Хлипкая калитка не заперта.

Двор когда-то был выложен кирпичом. Со временем он частично разрушился и все заросло травой, только красные проплешины остались. Кирпичная труха под ногами хрустит.

– Хозяюшка! – кричу с улицы. – Есть кто дома?

Замечаю движение возле сарая.

– Здравствуйте! – направляюсь в ту сторону. – Я ваш сосед, познакомиться пришел.

Женская фигура застывает ко мне спиной. Внешний вид, конечно… Галоши, безразмерная толстая кофта, может быть, даже не одна, длинная юбка тоже, возможно, многослойная, платок на голове…

– Ирина… Вы же Ирина? С вами все в порядке?

Женщина медленно поворачивается. Глаз из-за платка и каштаново-рыжей челки не видно, щеки бледные, губы плотно сжаты. К груди двумя руками прижимает топор.

Блин. Чет и чаю уже не особо хочется.

– Я ваш сосед, Роман, – улыбаюсь как можно дружелюбнее. – Познакомиться пришел.

Не двигается. Пытаюсь определить возраст женщины –

сложно. Угадать, что там прячется под слоями одежды, вообще невозможно. Матрешка какая-то.

– Может, чай попьем, по-соседски? – взмахиваю коробкой. – У меня торт есть.

– Нет, – едва мотнув головой, сипит.

Странная какая-то.

– Слушайте, если вам что по хозяйству нужно, скажите. Воды там принести или еще чего…

Глупая какая-то ситуация.

– Ну как хотите, – пожимаю плечами, продолжая улыбаться. – Это я здесь оставлю, – осмотревшись в поисках подходящей поверхности, кладу торт на чурку. – Угощайтесь.

Ничего не остается, как развернуться и покинуть чужую территорию. Чувствую себя идиотом.

Дома грею чайник. Не поел торт, так хоть рулетом полакомлюсь. Ловлю себя на том, что прислушиваюсь к звукам за стеной.

Черт, Михаил же просить передать Ирине, чтобы она к нему зашла. Выключаю несчастный чайник, второй раз за день включенный и не согретый.

Снова иду к соседке.

Во дворе никого, поднимаюсь по четырем ступенькам скрипучего крылечка в сенки. Никого.

Открываю дверь в дом.

– Ирина! Это я, Роман, ваш сосед…

Соседка сидит перед печкой ко мне спиной, пытается ее

разжечь.

Подскакивает на ноги, испуганной кошкой отпрыгивает в сторону.

– Ч-что в-вам надо? – заикаясь, хрипит.

Крутит головой, чувствую, мечется взглядом по кухне, останавливается на вилке на столе.

Ну точно сумасшедшая. Пырнет еще.

Выставляю руки вперед, всем своим видом показываю, что безобиден.

– Я забыл сказать. Михаил, местный участковый, просил передать, чтобы вы к нему завтра зашли с документами.

– З-зачем? – с опаской.

– Что-то насчет прописки, я не в курсе. Если хотите, могу свозить, я на машине. Утром как раз к нему поеду.

– Н-не надо.

– Не надо так не надо, мое дело предложить.

Из комнаты слышу детское кряхтение и покашливание. Топот ножек. Маленькая голова в вязаной шапке наполовину высовывается из-за косяка.

– А это Саша? – наклоняю голову, пытаясь разглядеть ребенка. – Привет, Сашок! Я твой сосед, дядя Рома.

Ребенок молчит. Прячется от моего взгляда и снова выглядывает.

– Барабашка я, узнал?

– Барабашка! – обрадованно выпрыгивает целиком навстречу. – Привет!

Пацан лет четырех-пяти. На личико светленький, худощавый. В придачу к шапке на нем еще и куртка. Носки толстые поверх штанишек. Только сейчас замечаю, что в доме холодно и пахнет сыростью.

– Саша, иди к себе, – просит женщина.

– Нет, – прячется за мамкину юбку, любопытный нос высовывает. Строим друг другу глазки.

– Вам помочь печь растопить? – поднимаю взгляд на Ирину. Вилки на столе нет, из рукава толстовки зубья торчат.

Да, Ромыч, кажется ты попал к психопатке. Тикать надо!

Но вместо того, чтобы бежать отсюда, иду к печке, присаживаюсь, заглядываю внутрь.

– Так она у вас никогда не разгорится!

Вытаскиваю зольник. Он полный. Совком вычищаю то, что просыпалось. Выношу на улицу, в контейнер.

– Золу обязательно вычищать надо, иначе гореть не будет. И поленья сразу толстые не надо, лучше щепу настрогать, – описываю каждое свое действие. – Ну вот, – закрываю створку печи, за которой радостно разгорелся огонь. Через пять минут можно поленья закинуть.

– Спасибо.

Ирина стоит, не шелохнувшись. Саша уселся за стол. Откуда-то вытащил мой торт, ковыряется с упаковкой.

– Может, чай попьем?

Ой, дура-ак! Тебе же сказали: беги!

К счастью (и своей безопасности), вижу, Ирина не знает,

как мне отказать, и вообще тяготится моим обществом.

– А вообще у меня еще куча дел. Если что – стучите, – обезоруживающе улыбаюсь. Подмигиваю Сашке. – Пока, Сашок!

– Пока, барабашка! – машет ладошкой.

Уф, вот это соседка, а я-то думал…

Остаток дня провожу за чертежами. Созваниваюсь со своими. Дома все хорошо, не считая того, что мама с отцом переживают за нас с Диной. Мама, естественно, больше всех. Отчитываюсь, как устроился, что ел и пил, чем занимаюсь, кого видел. Передаю привет от бабы Стюры. Ей тоже передам.

На соседской половине тихо.

К десяти вечера глаза слипаются, сказывается плохой сон последних двух суток.

Ложусь спать.

Снова женский голос. Поет. Красиво так, тонко. На романс какой-то похоже. Образ Ирины с голосом совсем не вяжется.

Убаюканный соседкой, засыпаю сном младенца.

Тук-тук-тук.

Раздираю тяжелые веки. Телефон показывает 22:47. Недолго я спал.

Тук-тук-тук.

– Саша, ты чего не спишь?

– Барабашка, расскажи сказку.

– Сказку? А мама не может?

– Нет, у мамы сказки кончились, она уснула.

– Понятно. Ладно, сказку так сказку. Какую хочешь?

– А ты какую знаешь?

– Любую могу.

– Муху-цокотуху хочу.

– Окей, будет тебе муха-цокотуха.

В телефоне нахожу стихотворение, зевая, читаю. Вздрагиваю, когда мобильник падает на грудь, выскользнув из пальцев.

– Саша, ты спишь?

Тишина. Уснул.

Глава 7. Роман. Странная дамочка

Тук-тук-тук.

– Доброе утро, Саша, – бормочу, не открывая глаз. – Выспался?

– Да, – кашляет.

– Простыл, что ли? Горло болит?

– Болит.

– Маме скажи, чтобы чаем горячим тебя напоила.

– Хорошо. А ты к нам еще придешь?

– Не знаю. Дел сегодня много.

– Приходи. Только опять с тортиком.

«Хитрец», – улыбаюсь. Проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от хлопка двери за стенкой. «Соседка», – вспоминаю.

За окном опять хмуро, в доме холодно. Тоже придется печку топить.

После небольшой разминочки иду к умывальнику, по пути щелкнув кнопку чайника. Вода в умывальнике ледяная, но бодрящая.

Чайник закипает и отключается. Бросаю в кружку чайный пакетик.

Пока «черный байховый цейлонский» настаивается и остывает, сооружаю себе три бутерброда: на ломти хлеба выдавливаю змейки майонеза, сверху режу пластинками поми-

доры, кладу кусочки сыра. Слюни текут от одного только вида.

Гастрономическая любовь с первого укуса.

Уплетаю вкуснятину за пять минут. Запиваю невкусным чаем. Окей, жить можно.

Быстро одеваюсь, окидываю комнату взглядом на предмет, все ли выключено, беру эскизы и со спокойной душой закрываю дом.

– Ну что, дорогая, едем работать? – завожу ласточку.

После прогулки по грязи ходить пешком больше не хочется. Кроссы кое-как очистил.

Пока машина прогревается, открываю ворота, выгоняю ее на улицу. Посматриваю на другую половину дома. Соседей не видно. Свет в окне не горит, из трубы дым не идет.

По улице еду медленно, верчу головой, вдруг где по пути встречу Ирину с Сашкой, подвезу по-соседски.

Метелкин встречает меня злой как черт.

– Ты чего такой? – поздоровавшись, спрашиваю.

– Да опять в магазине кража, мать ее! Как? Ну вот как? Заперто же все! – распинается участковый, наматывая круги по кабинету. Волосы взъерошены, пуговицы на рубахе невпопад застегнуты.

– Сегодня что украли?

– То же самое, блин! Чипсы, шоколад, пять бутылок водки.

– И все?

– Все! Я вчера всех алкашей в округе объехал, обыски провел, бесполезно! Они магазинную не пьют почти, самогонку у Степановны клянчат.

– Дела-а.

– Да капец, блин! Это ж бункер, а не магазин, его вскрыть нереально, и тут на тебе, ломай, Михаил Андреевич, голову. Ладно. Ты ж по делу, давай, что там у тебя.

Показываю Михе эскизы. Выбирает один, корректируем по его запросам полки, прикидываем цвет.

Кира сбрасывает смс, что мать придумывает стратегический план по сводничеству меня с Диной. Пишу ей в ответ, что домой в таком случае не вернусь. Настроение портится.

Михаил косо поглядывает, отпивая из именной кружки остывший чай.

– Верт, а ты че такой загруженный? Случилось чего?

– Не выспался, – бурчу.

– Машка? – пошло скалится Миха.

– Сашка.

– Та-ак, – тянет друг детства, отставляя кружку в сторону, – что за Сашка? Чет не припомню такой у нас. В соседнее село, поди, гонял?

Метелкин наклоняется на локтях вперед, типа весь во внимании, готов слушать о моих ночных приключениях.

– Здравствуйте. Можно?

В дверях Ирина. Одежда не сильно отличается от вчерашней, только платка нет. Половину лица спрятали пышные

каштаново-рыжие волосы и длинная челка. Плюс ко всему очки надела с огромными круглыми линзами. Губы без помады.

Саша за матерью прячется, стесняясь.

– Вы кто? – сводит брови к переносице Мишка.

– Ирина Витальевна Васильева… – волнуясь. – Вы просили прийти.

– Соседка, – беззвучно подсказываю Михе.

– А-а. Проходите.

Кивнув, освобождаю Ирине стул. Отхожу с эскизом к окну, делаю правки карандашом.

– Ваши документы.

Михаил строг. Изучает паспорт, сверяя фото, косится из-под насупленных бровей на женщину. Записывает данные в журнал.

– Документы на ребенка?

– Вот, свидетельство.

– Так, ребенок, тебя как зовут?

– Саша, – шепчет мальчик. Опять покашливает.

– Фамилия твоя какая?

– Зачем это? – напрягается Ирина.

– Так нужно. Вдруг вы ребенка украли?

Мне кажется, Михаил перегибает, но не вмешиваюсь. Тут он начальник.

– Что за чушь! – вспыхивает Ирина. – Саша мой сын!

– Вот это я и выясняю. Саша, эта тетя тебе кто?

– Мама, – ребенок прячет личико в материнских коленях.

– А как маму зовут?

– Ирина, – выглядывает на мгновение и снова прячется.

– Мгм. Ладно, – голос Михаила смягчается. – С какой целью приехали сюда, Ирина Витальевна?

Саша, отцепившись от матери, осмелев, подбегает ко мне.

– Барабашка! Ты что тут делаешь?

– Работаю, – негромко, чтобы Мишке не мешать.

Поднимаю ребенка на руки. Саша доверчиво обвивает ручонкой мою шею. Ирина, чувствую, следит. Поза напряженная, будто готова в любой момент сорваться и броситься отбирать у меня сына.

– Вот смотри, рисую дяде Мише картинку. По ней мы сделаем ему сюда шкаф во всю стену.

– Ух ты, – Саша округлил глазенки. – А мне нарисуешь?

– Нарисую.

– Сейчас!

– Не, брат, сейчас не могу, занят.

– А когда?

– Как только здесь доделаю все, так сразу тебе буду рисовать. Идет?

– Идет!

– Можете быть свободны, – заканчивает допрос строгий Метелкин.

– Всего доброго, – забрав у меня Сашу, спешит на выход соседка.

Смотрю в окно, как быстро она удаляется от полицейского участка. Бежит прям. Саша машет нам ручкой.

– Странная дамочка, – из-за плеча озвучивает мои мысли Михаил. – Понаблюдай за ней.

– Что тебе в ней показалось странным?

– Да фиг знает. Одежда, волосы…

И голос. У Ирины тембр ниже, грубее. Чей же голос тогда я слышу через стенку? А может быть, женщин две, только видят все в деревне одну? Очевидно, вот эту? Надо последить.

Но Мишке свои сомнения о голосе Ирины не озвучиваю, могу ошибаться.

Телефон на столе, звеня, подпрыгивает.

– Участковый Метелкин слушает… Ориентировка? Окей. Запускаю факс.

Глава 8. Роман. Ориентировка

Факсимильный аппарат поднатуживается и, медленно скрежеща, начинает выпускать из себя бумагу.

Молча наблюдаем за «родами». Михаил отрывает лист, ругается матом, звонит.

– Алло, это Метелкин. Да, получил… Опять не видно ничего, Оленька… Нет, компьютер не починили… А кто чинить будет? – взвинченно. – У меня мастера нет, в город везти тоже некому. Ладно, дублируй завтра, авось пройдет… Давай, пока.

– Ну ты видел? И как с этим работать? – со психом кидает на стол лист тонкой факсимильной бумаги. – И что здесь изображено, можно догадаться?

Пытаюсь разглядеть ориентировку. Буквы размазались, текст не читаем, вместо фотографии черное пятно.

– Они решили, что я ясновидящий, – ехидничает. Забирает у меня листок, «читает»: – ФИО – неизвестно. Пол, возраст, рост, особые приметы – неизвестно.

С листом в руках Мишка топает в противоположный угол, крепит ориентировку канцелярским гвоздиком на стенд поверх других таких же.

– Как работать в таких условиях? – возмущается капитан. – Техника устаревшая, ноут сдох, связь еще отвратная… 21-й век называется.

– Так, может, лучше новый ноут купить, чем шкаф ставить?

– Ну нет! Им только заикнись, они сразу мне заявку срежут. Про ноут я позже начальству сообщу.

– Ладно, жираф большой, ему видней. Шкаф обсчитаю, цифры озвучу. Давай, до завтра.

Прощаемся.

Выхожу из участка. Небо затянуто тучами, с минуты на минуту на землю готов обрушиться дождь. Хорошо, что я на машине.

На ходу щелкаю сигналкой.

– Дядь, дай покататься.

Вчерашний паренек сидит задом на спинке лавочки, ноги на сидушке, сам жвачку жует, аж челюсти ходуном ходят.

– Права есть?

– Нет.

– Свободен.

– Жлоб.

Пацан вкладывает в это слово столько злости, что я невольно задерживаю на нем взгляд. Совсем бесстрашный – хамить взрослому мужику? Детдомовские и то такое себе не позволяют.

Алексей взгляд выдерживает, еще и подбородок задирает выше. В глазах цвета грозового неба, обрамленных выцветшими длинными ресницами, вызов: ну давай, скажи что-нибудь.

Ухмыльнувшись дитю, подхожу к своему авто, сажусь в машину. Кидаю телефон и утвержденный эскиз на пассажирское сиденье, завожу мотор и пару минут еще жду, когда прогреется. С любовью поглаживаю приятную на ощупь рифленую оплетку руля.

– Ласточка моя.

Поворачиваю голову. Леха сидит на лавочке в той же позе, пристально разглядывает мою машину и меня в ней. Встречаемся с ним взглядами, он щурится, я в ответ.

Что-то не нравишься ты мне, парень. Что задумал?

Выжимаю сцепление и дергаюсь с места, оставив за собой брызги черной грязи.

Дома, ежась от холода, наскоро обедаю, топлю печь. Принимаюсь за расчеты.

За стеной Сашка кашляет. Еще и еще. Уже с надрывом.

Может, ему лекарства какие нужны, я на машине до аптеки съездить могу. Надо предложить помощь.

В соседском дворе и дальше никого не вижу, иду в дом.

– Ирина? Вы дома?

Саша, кашляя, выглядывает из комнаты. Щеки алые.

– Саша, мама где?

Пожимает плечами.

– Иди ко мне.

Сажусь на стул, подзываю ребенка. Подходит. Ладонью трогаю лоб – горячий. А вот дома опять холодно и печь не топится.

– Болит что-нибудь?

– Горлышко.

Осматриваю кухоньку на предмет лекарств или сиропов. Нет ничего.

– Я с тобой побуду, маму твою подожду, – кивает. – Это что у тебя? – показываю на несуразную кривую дощечку, зажатую в руке.

– Пистолет, – отвечает гордо и протягивает мне.

– Мм, классный, – верчу в руках дощечку. – А чем стреляет?

– Гранатами. Вот, видишь?

Сашок зажимает кулачок, заносит руку назад и делает рез-

кий выпад вперед, как будто что-то бросает.

– Ба-бах! – хрипит и снова закашливается.

Да где же мать его носит? У нее тут ребенок больной!

– Ничего себе! Ловко. Кого это ты там бабахнул?

– Плохих дядек. Очень-очень плохих и страшных, – шепчет. – Они нас ищут. Мы от них бегали, бегали и сюда прибежали, спрятались.

– Мм, понятно.

Ничего не понятно!

– Моя мама очень-очень красивая!

Ну… у детей своя мама всегда самая красивая. Если только реально мама у Саши не Ирина.

– А как твою маму зовут? Которая очень-очень красивая?

– Даша.

– Она здесь живет?

– Да.

Понятно. Значит, Даша. Все-таки я прав: женщин две – Ира и Даша. Какие загадочные у меня соседки.

– А фамилия у мамы какая?

– Денисова.

– И ты тоже Денисов? Саша Денисов?

– Да, – кивает головенкой.

– И Ирина кто?

Лупает на меня круглыми глазенками.

– Мою маму зовут Ириной.

Чет я ничего не понимаю.

Думай, Рома, думай!

– Саша, маму раньше звали Дашей, а теперь она Ирина? Так?

Малыш насупился, склонив низко головенку.

– И фамилия у вас теперь Васильевы? Я никому не скажу, – обещаю ему, поглаживая по плечику. Кивает. – Саша, у тебя есть еще игрушки? Машинки, солдатики, динозавры?

– Машинка есть, там, – машет ручкой в сторону комнаты.

Малыш на глазах становится вялым. Температурит. Потрепав его по светлой коротко стриженой голове, встаю со стула.

– Иди-ка ты, Саша, в кроватку ложись, я пойду маму твою поищу, ладно? Сегодня какую сказку на ночь хочешь?

– Колобка.

– Договорились, будет тебе Колобок.

В дверях сталкиваюсь с Ириной-Дашей.

– Ой, – испуганно отпрыгивает назад. – А вы что тут…, – кидает взгляд мне за спину, успокаивается, увидев сына. Тут же переводит взгляд на меня, хмурится: – Что вы тут делаете?

Вглядываюсь в лицо соседки. Оно у нее сегодня другое. Светлее, моложе. Очков нет, и челка почему-то выше. Зато могу разглядеть ее получше. Глаза у нее карие, глубокие, ресницы пушистые. И лет от силы двадцать пять – двадцать шесть. И по-хорошему идти мне надо отсюда, не ввязываться неизвестно во что.

Но…

Что-то меня во всей этой мутной ситуации цепляет.

– Саша кашлял, вот зашел спросить, не нужно ли чего.

– Ничего не нужно. До свидания! – порывисто.

Это она меня сейчас так мягко послала подальше? Мне хочется разобраться.

Ирина-Даша пытается обойти меня по дуге, чтобы пройти дальше.

– У Саши температура! – преграждаю ей путь.

– Я знаю! Вот, – оправдываясь, вытаскивает из кармана бутылек детского жаропонижающего и блистер сосательных таблеток от кашля, – сейчас дам. Простите, что помешали вам…

– Ничего страшного. Минуту, – протягиваю руку к ее волосам, дергается в сторону. – Девушка, у вас тут ус отклеился.

– Что? – карие глаза распахиваются до размеров блюдца.

– Я говорю, у вас тут черная прядка из-под парика вылезла.

Даша резко отворачивается, поправляя волосы. Испугалась.

– Уйдите! Пожалуйста, уйдите! – просит, чуть ли не плача.

Как уйти? Я за дверь, а она опять в бега? С больным ребенком?

– Даша… – беру ее за плечи. Вздрагивает, вытягиваясь в струну. – Я никому не скажу. Не бойся меня. Я друг.

Глава 9. Даша. Помощник

Господи боже! Вот я влипла! И что теперь делать – не знаю! Меня даже участковый так не испугал, как этот… сосед. Настырный такой, ходит и ходит сюда…

– Пожалуйста, уйдите, – прошу второй раз.

В ушах пульс грохочет. Мысли скачут как оголтелые: что делать, куда бежать? Саша болеет…

Веду плечами, скидывая с них чужие руки. Роман отступает назад.

– Я не уйду. Иди лечи сына, я пока печь растоплю.

Раскомандовался тут.

Но печь – самое непонятное мне строение в частном доме. Вроде бы все делаю, как показывала баба Стюра, а не горят в ней дрова, хоть плачь.

Роман уходить не собирается, но и вредить, кажется, тоже. Он вообще… располагает. Энергетика у него хорошая. Хочется доверять.

Подавив вздох, наливаю из еще теплого чайника воду в стакан, ухожу в комнату к сыну.

Саша лежит на кровати, двумя руками «пистолет» сжимает. Выбрал себе в сарайке деревяшку, не расстается теперь ни днем, ни ночью. Меня охраняет.

Трогаю губами лобик – горячий. Добегался мой белокурый ангелочек босиком по холодному полу. Сама виновата

– не доглядела. Спасибо соседке баб Стюры, поделилась жаропонижающим. У нее тоже детки – мальчик скоро в первый класс пойдет, вторая малышка еще, только-только на ножки встала.

– Солнышко мое, выпей сиропчик, легче станет. Он сладенький.

– А барабашка ушел? – даже голосок вялый.

Сердце разрывается на части, когда малыш болеет. Уж лучше бы я.

– Не барабашка, а дядя Рома. Не ушел, он нам печку сейчас растопит, тепло будет.

– Пусть он с нами тут живет?

Ох…

– Спи, маленький мой…

Саша прикрывает глазки. Глажу его поверх одеяла, засыпает быстро. Температура падает. Может быть, попробовать уехать отсюда? Вот прямо сейчас соседа выпроводить и вещи собрать. Их немного.

Нет, Саша слаб, погода не пойми какая, еще сильнее разболеется. Не буду рисковать. Мне бы только с печкой разобраться, а там, может, и перезимовать получится. Люди здесь добрые, отзывчивые. Баба Стюра говорит, что работа в деревне всегда найдется, вот только платят немного, но на черный день деньги у меня есть, с остальным справлюсь.

Только бы нас не нашли.

А соседа выпроводить надо.

Роман засовывает в топку полено. Там трещат вовсю дрова.

– Скоро нагреется, – обещает, когда выхожу из комнаты.

– Спасибо. Я с ней никак не могу подружиться, – говорю своим обычным голосом, надоело притворяться.

– Я заметил.

Смотрим в упор друг на друга. Роман симпатичный, несмотря на недельную щетину. Волосы русые, черты лица правильные. Сложен хорошо – ничего лишнего. На вид ему лет тридцать, может, чуть больше. Взгляд внимательный, без намека на похоть. Хотя я иногда забываю о своем внешнем виде. Как он мужчин на пошлости спровоцирует? Скорее наоборот – оттолкнет, но мне это только на руку. Не нужны мне мужчины.

Отвожу взгляд первая. Чаем соседа, что ли, напоить, тогда уйдет? Доливаю воду в чайник, включаю.

Роман прислоняется плечом к углу печки, складывает руки на груди.

– Как Саша?

– Уснул. Температура спала.

– Если надо еще какие лекарства, скажи, я в аптеку съезжу.

– Пока не надо. Баба Стюра обещала грудной отвар приготовить.

Чайник шумит, нагреваясь. В печке трещат сырые поленья. Чтобы занять себя чем-то, ставлю на стол две кружки,

с верхней полки шкафчика достаю начатый вафельный торт. Саша любит сладкое, а для нас это теперь роскошь, буду растягивать.

Режу на кусочки. Присутствие соседа напрягает, но уходить он не собирается. Глаз с меня не сводит, наблюдает, а у меня руки трясутся, и сердце вот-вот остановится от страха, что он все знает. Может, позвонить ей успел и за нами уже едут?

Чайник, вскипев, отключается. Вздрагиваю от щелчка. Под ребрами мечется от страха испуганный кролик.

Роман, не дожидаясь приглашения, садится за стол. Невозмутимый такой.

Руки на столе в замок сцепил. Безымянный палец без кольца, и следа от него нет. Если только принципиально не носит, а дома семья, дети, собака с кошкой… Баба Стюра говорила, Роман ненадолго, только вещи какие памятные забрать, а потом новые хозяева заедут.

Наливаю кипяток в кружки, отхожу подальше, пряча руки за спиной. Сосед слишком пристально разглядывает их.

– Расскажешь, к чему эта конспирация? – Роман кивает на мой парик. Это ж надо было так спалиться с волосами.

С досады отворачиваюсь в сторону разгоревшейся печки, закусываю нижнюю губу до боли.

– Мне надо знать, как помочь.

– Мне не нужна помощь!

– Мне так не кажется. Саша сказал, что вы прячетесь от

плохих дяденек. Кто они?

Саша! Болтун!

– Саша маленький! Он любит сочинять.

– Ребенок напуган так же, как и ты, если не больше. И мне он не врал, в отличие от участкового… который приедет с минуты на минуту с допросом, стоит ему пробить по базе твои документы. Они поддельные, верно?

Да! Но Кристина заверила, что никто не догадается! Что же делать?

Но я так устала от всего этого, что уже будь что будет. Смотреть, как вместе со мной в этой глуши без центрального отопления и водоснабжения мучается мой малыш, сил нет. И если Роман действительно может помочь…

Несмотря на внутренний страх, опасности конкретно от Романа не чувствую. С силой впиваюсь ногтями в ладони и…

– У меня хотят отобрать сына, – губы предательски дрожат. На глаза набегают слезы.

– Кто? Почему? – Роман хмурит брови.

– Бабушка Саши, мать его биологического отца. Она пыталась выставить меня сумасшедшей, чтобы меня лишили прав на сына. Хочет оформить на него опекунство и воспитывать сама.

– А Сашин отец?

– Он умер.

И мне совсем не больно это говорить, хотя бы потому, что все чувства к Сашиному отцу сгорели очень и очень давно.

Роман тактично молчит.

– После гибели Игоря мы с Сашиной бабушкой жили некоторое время вместе. В какой-то момент я стала плохо себя чувствовать, и с каждым днем мне становилось все хуже и хуже. Однажды случайно увидела, как она подсыпает что-то мне в еду. Нашла таблетки… У меня подруга в больнице работает, сказала, это транквилизаторы… Тогда-то свекровь и выложила свой план, думая, что под действием таблеток я ничего не вспомню потом… Сумасшедшая женщина она, а не я!

Меня взрывает, стоит только вспомнить ту женщину, что уговорила меня жить с ней, пока ребенок маленький, а сама так подло поступила с нами. С родным внуком.

Роман делает вид, что верит, но остановиться я уже не могу. Мне нужно с кем-то разделить свою ношу.

– Мы с Сашей сбежали. Подруга помогла снять квартиру. Свекровь не успокоилась, наняла каких-то типов, которые следили за нами. Однажды они попытались украсть у меня сына. Прямо на детской площадке. Мы опять спрятались. Пришлось менять внешность и документы… Сейчас даже Кристина не знает, где мы. На какой-то станции вышли, потом на попутках добирались до ближайшего населенного пункта. Так попали сюда. Председателю сказала, что хочу жить и работать на земле, он выделил жилье…

Роман прикрывает глаза и трет переносицу. Я отчетливо понимаю, что от того, что он сейчас скажет, как отреагирует

на мою исповедь, будет зависеть моя судьба и судьба моего сына. Страх накатывает волнами в ожидании реакции абсолютно незнакомого мне человека.

– Почему в полицию не обратилась, Даша?

Из уст Романа мое родное имя звучит ласково и красиво. Я соскучилась по нему и думала, уже никогда не услышу.

– Я хотела, но у свекрови все схвачено. Она мне заключение психиатрической комиссии показывала, где написано, что я невменяема и недееспособна. Когда есть деньги, можно что угодно и кого угодно купить… Вы мне не верите?

Глава 10. Роман. Интуиция

– Вы мне не верите? – Даша с отчаянием вглядывается в мое лицо.

Объективно – нет. Уехать в Тмутаракань с маленьким ребенком, жить под чужим именем, по поддельным документам, прятаться, подвергать собственного сына опасности. И это вместо того, чтобы искать решение на месте, среди друзей, в полиции, прокуратуре… На это может решиться действительно сумасшедшая женщина.

Субъективно – верю. Просто потому, что… верю. Интуитивно.

– Верю… – Даша заметно расслабляется. – Но так жить нельзя, – обвожу кухоньку руками. Ведь очевидно же – не приспособлена к жизни в частном доме. Ручки у нее белые, нежные, перчатками не пользуется. – Скоро зима. У тебя уже Сашка заболел, а дальше что?

– Предлагаете отдать ей моего сына? – вспыхивает.

– Что? Нет, конечно! Надо искать варианты, как вернуть вас в нормальные условия. Дай мне время, я что-нибудь придумаю. Только не сбегай отсюда, ладно?

– Зачем вам это? Почему вы хотите помочь?

Если бы я знал!

– У нас с другом собственное производство. Мы оказываем посильную помощь детскому дому. Знаешь, сколько я

детей видел, у которых матери есть, бабушки с дедушками, а они попросту от малыша своего отказались? Мешал, болел, прокормить не можем, одеть, обуть. Кучу других причин выдумывают, иногда абсурдных… А ты вот побегом спасаешься, рискуя всем, лишь бы с сыном не расставаться… Считай, я Сашке помогаю. Славный он у тебя.

Поднимаюсь, чтобы уйти. Мне нужно переварить информацию.

– Я дома, если что надо будет – стучи в стенку или приходи. Не стесняйся и не бойся, хорошо?

– Хорошо. Спасибо вам…

– Тебе. Спасибо тебе.

– Тебе.

– Пока не за что.

Дома мечусь из угла в угол, как лев в клетке, думу думаю. Помочь хочется, но и проверить слова Даши тоже нужно, так, чтобы она не догадалась. И я опять думаю, думаю, думаю. И что зря не спросил имя ее свекрови, и почему отца Саши она назвала биологическим? Они не были женаты? И про нее саму ничего толком не узнал тоже – есть ли родня, почему не помогли они?

Сдавшись после атаки безумных идей, пишу Глебу, что нужно серьезно поговорить. Сам первым не звоню, у него дети. Глеб перезванивает через десять минут.

Коротко обрисовываю ситуацию с Дашей, непрозрачно намекая, что помочь хочется исключительно по-соседски и

конкретно ребенку. Попутно рассказываю о новом заказе и условиях выполнения.

– Скидывай размеры шкафа, запущу в производство сейчас же. Сделаем, привезу лично, заодно зятя твоего прихвачу. На месте с соседкой твоей решим что-нибудь.

– А Градова зачем в это впутывать?

– Твоя сестра любит повторять, что муж у нее всемогущий. Вот и проверим его могущество.

Ну… может быть, Глеб прав. Две головы хорошо, третья лишней не будет.

– Глеб, ты только не говори никому…

– Само собой, Ромыч.

– Даже Кате!

Не дай бог Катя Кире расскажет, та же примчится тоже, а она кормящая мать.

– Даже Кате не скажу, – с усмешкой обещает друг.

Топлю у себя печку. Доделываю макет и расчеты шкафа, скидываю Глебу. Часа два уходит на уточнение деталей. Вечереет.

Стучу в стенку.

– Даш… – в последний момент проглатываю имя. Саша услышит – проболтается кому-нибудь еще, вся конспирация пойдет насмарку. – Ирина! – громче.

По ту сторону скрипят половицы.

– Да, Роман?

– Я в магазин за продуктами, вам купить что-нибудь?

– Нет, у нас все есть, спасибо.

– Барабашка, я хочу тортик, – слышу, как прижался Саша к стене.

– Никаких тортиков, сынок! – предупреждает его Ирина. – Сначала каша!

Малыш хнычет.

– Сашок, мама права, каша полезнее. Но с тортиком я что-нибудь придумаю. Как твое горлышко, лучше?

– Да.

– Ну и отлично. Пока.

Аккурат в половине седьмого торможу возле магазина. Кроме Марии, там никого.

– Здравствуйте, Роман, – обрадованно встречает девушка по ту сторону прилавка. Волосы поправляет, рюши на фартуке. Красуется.

– Добрый вечер, Мария, – улыбаюсь в ответ.

Не таясь, разглядываю.

Курносая, с темными веснушками на загорелом личике, окрашенные в каштановый завитые локоны по плечам рассыпаны. Стройная. Кровь с молоком.

– Вы, наверное, хотите меня до дома подвезти? – опять кокетничает.

– Э-э… – я вообще-то не планировал, но, судя по блеску в глазах девушки… Почему бы и нет… – Хочу.

– Подождете? Я скоро заканчиваю.

– Конечно!

Выбираю продукты, на автомате закидываю презервативы. Для Саши беру упаковку шоколадных яиц, красную машинку на приводе, пистолет с патронами на присоске.

– У вас есть дети? – пальчик девушки зависает над кассовым аппаратом.

– Это подарки другу.

– М-м, – лучится вся.

– Как продвигаются поиски вора?

– Никак. Мы с Метелкиным уже голову сломали, как он сюда попадает. Замки крепкие что здесь, что в подсобке, окна заварены.

Осматриваюсь. На окнах решетки, входных двери две – одна металлическая наружная, другая пластиковая, обе запираются. Потолок натяжной – через крышу исключено.

– Можно в подсобку вашу заглянуть? Чисто из любопытства. Посторонним взглядом, так сказать.

В глубине глаз девушки блеснул хищный огонек.

– Конечно! Пойдемте!

Узкое помещение сплошь заставлено ящиками и коробками с продуктами, консервами. Дергаю входную дверь. Плотно сидит, замок добротный. Ни вскрыть, ни вынести. Оборачиваюсь, чтобы выйти, на Марию натыкаюсь. Слишком близко стоит, не обойти.

– Маша…

А как же проводить домой, пообщаться прежде чем узнавать друг друга «глубже»?

– Тш-ш… – Мария кладет пальчик мне на рот. Приподнимаясь на цыпочках, тянется крашеными губами к моим.

– Ну не здесь же, Маш, – развожу руками, отклоняясь. Я так-то комфорт люблю, а не быстрый перепихон абы где. И целовать напомаженный рот мне не нравится.

– Никто не зайдет, – томно.

Пальцы скользят вниз – по подбородку к шее, тянут за язычок молнию на куртке.

Глава 11. Роман. Облом

– Какой мужчина в нашей глуши… – Маша трется об меня грудью и бедрами. Зеленые глаза расширены, дыхание частит. – О таком только мечтать можно…

Перехватываю кисть, когда настырные пальчики пытаются расстегнуть ремень на брюках.

– Не здесь, Маш.

Подсобка… почти то же самое, что туалет. И неприкрытое желание Марии даже не льстит, а наоборот – отталкивает.

– Это аперитив…

Закатываю глаза к потолку – непонятливая. И слишком скорая. Как будто не важно с кем, не важно где. Но мне же не жениться на ней? Так, раз-другой пар спустить.

– Это что за решетка? – киваю на махонькое окно под потолком.

– Вентиляция.

– Машка! – требовательно кричат из торгового зала. По голосу – пацан какой-то.

– Сейчас! – обернувшись.

– Иди давай, – разворачиваю ее в сторону зала, шлепаю по заднице. Подпрыгнув, довольно взвизгивает.

– Чего тебе, Леша? – нетерпеливо.

Кто-то в ответ бубнит.

Из подсобки выхожу, когда хлопает входная дверь и в зам-

ке прокручивается ключ. Семь часов.

– Поехали?

– Сейчас все закрою, – Маша носится метеором по магазинчику – запирает двери, кассу, опускает ставни на окнах, проверяет холодильники.

Выходим через дверь в подсобке. С такими замками нереально внутрь пробраться. Если только…

– Маша, второй комплект ключей есть у кого-нибудь?

– Есть. У Метелкина.

– Давно?

– В прошлом году замки хлипкие были, так магазин наш обокрали летом. Миша воров нашел – мужики из соседней деревни оказались. После того случая двери крепкие поставили, замки надежные, решетки, а запасные ключи я участковому сама отдала, для надежности. Он их в сейфе держит.

Как интересно.

– Мише за раскрытие того дела капитана дали, – продолжает щебетать Мария. – Те мужики еще несколько магазинов в округе грабанули.

Выходим с внутреннего двора.

– Вот черт! – ругаюсь, глядя на спущенное колесо своей ласточки. – Отменяется, Мария, поездка.

И жаркая ночь тоже.

– Ром, а ты менять колеса умеешь? – с досадой.

– Конечно.

– Тогда я подожду?

Нафига? Настроение уже испорчено.

– Не стоит, это надолго. В другой раз как-нибудь.

– Мм, ну ладно, – расстроенно. – Пойду тогда. А хочешь, я к тебе вечером приду?

Чего?

– У меня гости с маленьким ребенком, – вру. Не люблю непонятливых женщин.

– Тогда… до завтра?

– Аха.

Провожаю взглядом виляющую бедрами Марию.

– Че, колесо спустило? – слышу рядом.

Леха. На руль велосипеда руки сложил, ноги широко над рамой расставил. Смотрит из-под челки опять с прищуром.

Что-то мне подсказывает, что колесу «помогли» спуститься.

– Похоже на то. Поможешь накачать?

– Не умею.

– Я тоже. Вдвоем, поди, сообразим?

– Ну давай, – всем своим видом делая одолжение, Алексей роняет велик на траву.

Достаю из багажника ручной насос.

– А че, компрессора нет? – недовольно.

– Неа.

Есть. Но облегчать жизнь мелкому пакостнику я не собираюсь.

– Качай ты первый, я сменю.

Алексей качает.

– Ты это… с Машкой шуры-муры не води, – бурчит, не поднимая головы.

– Почему?

– Она со всеми…

Это он меня таким образом от Машки «спасал»?

– Понятно, – прячу улыбку. – Спасибо, что предупредил.

Нормальный же парень, и че, спрашивается, утром быковал?

Алексей качает. Вот-вот попросит сменить.

– Родители тебя не потеряют? – отвлекаю его разговором.

– Бабка не заметит. У нее коровы.

– А мать?

– Померла год назад. Болела.

– Оу. Сочувствую. А батя?

– А батя сбег! – зло. – Мать обрюхатил и сбег.

Даже не знаю что сказать.

Леха пыхтит все громче, запыхался. Устал. Но учить так учить. Делаю вид, что мне звонят, отхожу в сторону, «разговариваю». Пацан качает. Медленно, с натяжкой, но качает.

На великах подъезжают еще трое пацанов.

– Землянкина припахали! – ржут. – Че, Леха, бицуху качаешь? Давай, давай! Раз! Раз! – считают. – Давай, Землянкин, идешь на рекорд!

Леха бросает насос, кидается на пацана, что ближе, толкает его в грудь.

– Я не Землянкин! – рычит. – Я Земляникин!

Пацан с велика падает, тут же подскакивает, сцепляются.

– Так, в чем дело? – разнимаю петухов. – А ну брысь отсюда!

Пацаны сваливают.

– Чего это они? – у Лехи спрашиваю.

– Ничего, – огрызается. – Достали.

Алексей садится на траву, спрятав лицо в колени. Сажусь рядом.

– Маму Олесей звали?

– Угу, – тихо шмыгает носом, отворачивается.

Теперь понимаю, почему лицо Леши мне показалось знакомым. Мутил я здесь с девчонкой одной. Как раз тем летом, когда школу окончил, почти все ночи с ней дружили. Она тоже на каникулы приезжала к родителям. На швею в профучилище последний год училась. Олеся Земляникина. Красивая, пипец просто. Коса русая толще кулака моего. Глаза зеленые, чуть раскосые, ведьминские. Раз взглянешь, пропадешь. Вот и я в свои восемнадцать пропал. Однажды даже подрался из-за нее с пацанами, так еще и нагоняй от Олеськи получил за синяки. Потом и бабушка добавила.

Тем летом с Олесей у меня случился первый секс. У меня первый. Потом второй и… Я тогда шальной ходил, лыбился без конца как дурак, бабушка даже температуру заставляла мерить. В конце августа мы с Земляникиной по разным городам разъехались.

В универе уже другие девчонки были, Олеська забылась как-то. Приезжал сюда сколько потом – не виделись больше.

– Мне очень жаль, что она умерла.

Качаю колесо сам. Совесть теперь не позволяет достать компрессор и облегчить себе работу.

– Лех. Ты же всех в деревне знаешь, да?

– Ну.

– Если кто незнакомый появится – предупреди меня, окей?

– Чего ради?

– Ну так… мало ли.

– Ты че, в бегах?

Оглядываюсь убедиться, что рядом никого нет. Присаживаюсь рядом с парнишкой.

– Я могу тебе доверить тайну? Только честно? – подумав, кивает. – Не я в бегах, а соседка моя. Ирина.

– Это та, что за стенкой у тебя? С ребенком?

– Она. Ее ищут нехорошие люди, чтобы Сашку забрать.

– Так, может, это… Метелкину сказать?

– Нет… пока не надо, но я обязательно скажу. Просто так может получиться, что и он не поможет.

– Ладно, если кого увижу, сообщу.

– Спасибо, Лех, – жму ему руку. – Езжай домой, темно уже.

– А ты?

– Я почти закончил. До дома доеду, завтра еще подкачаю.

Глава 12. Роман. Романс

Домой приезжаю затемно. Кое-как умываюсь и без сил падаю на кровать. Живот от голода урчит. Руки гудят после насоса, плечи ноют, поясница тоже. Леха там как, интересно, тоже страдает?

В полумраке комнаты чувствую укоризненный взгляд бабушки и деда.

«Что, ба?» – мысленно обращаюсь к фотографии на противоположной стене. – Нет, мне не совестно, что Леху наказал. Будет знать, как колеса посторонним людям спускать. Хорошо, хоть не догадался проткнуть или порезать.

Ба, как мне кажется, соглашается, но мальчишку жалеет. Мне тоже его жаль, но я рад, что он растет с правильными установками. Надо предупредить Метелкина, чтобы приглядывал за парнем, переходный возраст скоро.

Глаза от усталости смыкаются, и я сквозь закрытые веки все еще «смотрю» на фотографии. Деда Митяя я знаю только по фото и рассказам матери и бабушки, баба Аня рано овдовела, замуж больше не вышла. Добрая она у нас была и готовила вкусно. Как сейчас ее блинчики помню с яблочным вареньем. У матери тоже вкусно, но все равно не так.

Сглатываю голодную слюну, возмущенные кишки намертво прилипли к позвоночнику.

– Барабашка, ты че так долго? – через стену прерывает

мои воспоминания Саша. Или это он урчание моего желудка услышал?

– Колесо в машине спустило, ремонтировать пришлось. Ты как, температуры нет?

– Неа.

– Дома тепло?

– Тепло. Спать собираемся.

– Я тоже уже сплю.

– А сказку?

Я обещал, да.

– Будет тебе сказка. Ложись, я чуть-чуть отдохну и почитаю тебе.

– Саша, – встревает мать малыша, – дядя Рома устал, не мешай ему. Давай я тебе песенку спою.

О да, я хочу, чтобы Ирина-Даша спела.

Подперев рукой голову, уставившись в стену, слушаю красивый голос.

Две души, гуляя по небесам,
Говорили в тишине по душам.
О земле говорили, ничего не забыли
Из того, что пережили там.
О земле говорили, ничего не забыли
Из того, что пережили там. *

Хорошо поет, душевно. Можно бесконечно слушать. И

секса с Машкой не надо, тут другого рода удовольствие.

Что за благородный порыв меня дернул пообещать помощь соседке? Сашу стало жаль? Это безусловно. Мать его сильно любит, невооруженным глазом видно. На нелюбимых детей я в детдоме насмотрелся… А Даша ради сына в бега кинулась, лишь бы не расставаться с ним. На сумасшедшую не похожа…

Или это я сам себя убеждаю?

Почему в моих мыслях так много стало матрешки? И правда, почему? Уж не потому ли, что в моей голове на репите звучит красивый мелодичный голос соседки? Не потому ли, что под кучей одежды предугадываю совсем не матрешечную фигуру и мне до зуда в пальцах хочется на нее посмотреть? Не потому ли, что несколько раз залипал на ее руки – изящные кисти с тонким запястьем и длинными ухоженными пальчиками? А еще мне понравились ее карие глаза и несомненно мягкие губы. Красивые, пухлые, без помады, к которым мне любопытно прикоснуться, на вкус попробовать.

Спишем это на долгое воздержание. С Диной у нас был негласный перерыв, затянувшийся более чем на месяц, теперь даже вот – асексуальные матрешки привлекательными становятся.

Машка так не зацепила, как Ирина-Даша – соседка с очаровательным голосом. Хорошо, что Леха сорвал мне «свидание».

Незаметно проваливаюсь в сон. Вижу Олесю. Точнее, я могу только догадываться, что это она. Образ девушки размытый, почти прозрачный, а глаза у нее четкие – огромные, зеленючие и смех громкий, заливистый, словно колокольчик…

Мы с ней в поле за деревней. Рассвет занимается. Голубые и розовые ромашки уже вытянули стебельки и развернули бутончики в сторону восхода.

– Рома! – подзывает пальчиком та, что когда-то свела с ума пацана на три года младше себя. Поймать ее не удается, руками как в тумане вожу. – Ромашка! – ласковым смехом журчит голосок, удаляясь. – Как хорошо, что ты приехал! Я тебя ждала…

Бегу за Олесей. Она – от меня. Дальше, дальше. Мне нужно у нее спросить что-то важное, не могу вспомнить что, и по имени Олесю тоже позвать не могу – рот будто скотчем заклеенный…

Утром Саша меня не будит, просыпаюсь сам.

Долго лежу с закрытыми глазами, вспоминая сон. Олесю я так и не поймал, хоть и бегал за ней всю ночь. Непонятное, царапающее чувство несделанного дела неприятным осадком оседает где-то в районе солнечного сплетения. На могилку к Лехиной матери сходить, что ли, ромашек отнести?

Прислушиваюсь к звукам за стенкой. Там детский и женский смех. Это хорошо, малыш пошел на поправку. Надо

не забыть отдать ему подарки, что вчера купил. У ребенка должно быть много игрушек.

Желудок напоминает, что он слишком давно не ел. Встаю.

За окном светло, дождь не намечается. Петухи радостно голосят, собаки тявкают на разные голоса, стая гусей, расправив крылья, гордо шествует через дорогу.

Глеб отзванивается, что они с Павлом выезжают. Хорошие новости. Скидываю ему точный адрес.

Наскоро позавтракав, иду мыть машину. Выгоняю ее первым делом за ограду.

УАЗик Метелкина проезжает мимо и тормозит у соседских ворот. Михаил в форме, с папочкой, серьезный. И явно не просто так к Ирине пожаловал.

– Мих, – зову, – дело есть.

– Давай позже, я на работе.

– Сейчас. Это важно.

Метелкин с сомнением поглядывает в окна и во двор соседки.

– Ладно, черт с тобой, – машет рукой и направляется ко мне. – Ну? – здоровается за руку.

– Ты чего к ней? – киваю на вторую половину дома.

– Тайна следствия. Не имею права разглашать.

Серьезный такой, как менты в сериалах.

– Да ладно тебе, комиссар Каттани **, все ты имеешь, – дружески толкаю друга детства в плечо, – мы ж свои.

– Ориентировку получил на женщину с ребенком. Хочу

соседке твоей еще несколько вопросов задать: кто, откуда, зачем. Не зря мне она подозрительной показалась.

—

* Елена Ваенга, Александр Малинин, романс «Две души».

** Комиссар Каттани – главный герой сериала «Спрут».

Глава 13. Роман. Прятки

– Ориентировку получил на женщину с ребенком, – Михаил барабанит пальцами по папке с документами. – Хочу соседке твоей еще несколько вопросов задать: кто, откуда, зачем. Не зря мне она подозрительной показалась.

– Покажешь?

Мишка достал факсимильный лист, протянул мне.

– Факс сегодня не дурил?

– Сегодня нет.

Жаль.

Разглядываю тонкий лист с ориентировкой. Текст расплывчатый, но читаемый, а фото все равно смазано. Обычное женское лицо с правильными чертами, без особых примет. Уловить сходство с Ириной невозможно, особенно не зная, как она выглядит по-настоящему.

– На Ирину совсем не похожа, – озвучиваю свои мысли.

– Но проверить я обязан.

Упертый баран! Выслужиться хочет перед начальством?

– Здесь написано «Дарья Александровна Денисова», а Ирина Васильева при чем? – ухмыляюсь. – Ты же видел документы и Сашу, он ее родной сын.

– Мгм. Женщина, что объявлена в розыск, украла родного сына. Бабушка ребенка заявление написала. Она официальный опекун мальчика. У матери с головой не все в порядке,

а мальчика, кстати, тоже Сашей зовут, светленький, четыре года, – Мишка пересказывает содержание ориентировки.

– Да сколько этих светленьких Саш! Вон, их в каждом дворе полно, иди проверяй.

– Своих я всех знаю, а Ирина новенькая.

– И женщина в розыске приехала из города-миллионника именно в твою деревню, чтобы без палева тут поселиться с краденым сыном? – ехидно поддеваю Метелкина.

Рассказать Мишке историю Иры-Даши или еще рано? Он может ей не поверить, а если и поверит – все равно напугает. Она и так дрожит, наверное, увидев под окнами полицейскую машину.

– Мих, ты же опытный мент… Сам посуди, стала бы женщина, укравшая собственного сына, селиться в деревне, где она на виду и все друг друга знают?

– Ну-у…

– И к тебе она пришла по первому требованию, не скрывалась…

Вхожу в раж, видя, как Метелкин все больше и больше со мной соглашается.

– С головой у Васильевой все в порядке, так?

– Вроде бы…

– Мих, давай так. Я за ней послежу, мне не сложно. Если что будет подозрительное, я тебе сообщу.

– Чего это ты за соседку свою впрягаешься? – старый друг отступает на шаг назад, осматривает меня с ног до головы,

словно впервые видит.

– Ребенок у нее болеет, – делаю лицо как можно проще. – Кашляет, ночами не спит. Напугаешь их своим допросом, только хуже сделаешь. Стресс же.

Метелкин с сомнением уставился на окна Ирины.

– Как продвигается следствие по делу о краже в магазине? – аккуратно перевожу тему. – Есть новости?

– Глухо, – Мишка с досадой отмахивается.

– А хочешь, я тебе подсказку дам?

– Ну?

– Второй комплект ключей где?

– У меня, – непонимающе.

– Доступ к ним кто имеет?

– Только я, – Михаил меняется в лице. – Ты что, думаешь, это я ворую?!

– Я ничего не думаю. Но если ты вора не найдешь, то сам понимаешь, кто под подозрение попадет, случись какая проверка…

– Чет я не пойму… – напрягается друг детства. – Ты шантажируешь меня, что ли?

– От соседки отвлекаю, – перевожу все в шутку. – Короче, есть у меня версия… Вечером приезжай за мной, засаду сделаем, найдем твоего воришку. Если он, конечно, сегодня опять красть собирается.

– Шутишь?

– Неа, – стряхиваю невидимую пыль с погон участково-

го. – Что там тебе полагается за раскрытие дела?

– Премия вроде.

– Вот и отлично. Планируй, как потратишь. А пока поезжай в отдел, разбирай старый шкаф, завтра с утра новый ставить будем.

– Завтра? – Мишка обрадовался, как ребенок новой игрушке. – Серьезно? Так быстро?

– Ага. Мои уже выехали, скоро тут будут. С напарником мы в два счета отделение тебе облагородим.

– Круто! Я тогда поехал старье выкидывать?

– Давай. И ты мне обед должен, помнишь?

– Ага.

Мишка, забыв об Ирине, помчался к своему УАЗику. Коротко посигналив, лихо развернулся, подняв столб пыли, и умчался в сторону отделения.

Что ж, время пока на нашей стороне, только машина сама себя не помоет. Ищу тряпки, набираю воды.

Вспоминаю про пакеты с продуктами и игрушками, что до сих пор в салоне на заднем сиденье лежат. Заношу в дом, распихиваю все по полкам в шкафчике. Упаковку презиков в руках кручу. Нафига покупал? Машину и пистолет надо будет Сашке отнести после обеда. Оставляю их пока в пакете.

Взгляд натыкается на настенные часы. Стоят. Проверяю телефон, чертыхаюсь. Время за полдень перевалило, пока я с Мишкой тут балагурил да прочими мелочами занимался, а машина сама себя не помоет.

Иду на улицу с твердым намерением привести в порядок ласточку.

Поглядываю на небо – грязно-белые облака кучно плывут, но дождя ничто не предвещает.

– Дядь Ром! – издалека, запыхавшись, кричит Алексей. Крутит педали на своем велике с бешеной скоростью. – Они тут!

Не понимаю, о чем он, но ветошь опять откладываю, даже не намочив.

– Они тут! – Леха бросает велик рядом с машиной, подскакивает ко мне с расширенными от возбуждения глазами.

– Кто тут? – слегка встряхиваю его за плечи. – Объясни толком.

– Два мужика… на джипе…

– Где? Что за мужики?

Неужели Глеб и Пашка так быстро приехали? Вряд ли. И Леха подтверждает мои опасения:

– Там, на въезде, у заправки. Фотографию женщины и ребенка всем показывают, спрашивают, не видал ли кто.

Местные вполне могут указать на Иру с Сашей просто потому, что они тут новенькие. А эти, конечно же, проверят… Зря я Метелкину правду не рассказал.

– Так, Леха, надо их спрятать. Есть идеи?

– Скажи, что на станцию утром увез.

– Не прокатит. Они в дом зайдут… Все, я знаю что делать. Иди в дом, я за Ирой с Сашкой. Будем импровизировать.

– Ага.

Бегу к соседке. Влетаю в дом. Саша в тарелке с супом ковыряется, Ира чай пьет. Застывают испуганно при моем появлении.

– Быстро! Вещи собирай и ко мне. Ищут вас. Быстро, Ира! – рявкаю.

Ирина срывается в комнату. Саша испуганно хлопает ресницами.

– Не боись, брат, сейчас я вас спрячу.

Заглядываю в печь – угли тлеют со вчерашнего дня. Чайник горячий – выливаю из него воду в ведро с холодной. Тарелки со стола – в холодильник, кружки – в шкаф.

– Быстрее, Ира!

– Я готова.

Закутываю Сашу в верхнюю одежду, хватаю его обувь, сумку из рук Ирины вырываю.

– Замок вешай. Бегом через огород ко мне.

Глава 14. Роман. Непрошеные гости

Намываю машину, наблюдая за обстановкой.

Рабочий день в разгаре, улица пустынная. Кроме нескольких стаек гусей – никого. На другом соседском заборе друг напротив друга сидят два кота. Не орут, только утробно рычат да глазами друг друга гипнотизируют. Где-то на задворках кричат петухи.

Покрываю машину густой пеной шампуня. Руки от волнения дрожат. Мысли лихорадочно скачут, подбрасывая воображению одну за другой картинки возможного сценария. Каждый вариант сомнителен и опасен.

Мимо медленно проезжает черный джип. Два амбала крутят головами в разные стороны, останавливаются у соседской половины.

Выходят, оглядываясь. Крупные мужики, накачанные. Руки – что те базуки.

Стою к ним спиной, натираю стекло, слежу за незваными гостями в отражении.

Идут во двор.

Адреналин накрывает. В подмышках и на спине выступил холодный пот. Не время бояться, Рома, у тебя там трое…

Минут через десять качки выходят к машине, озираются.

Коротко переговорив друг с другом, подходят ко мне.

– Слышь, мужик.

Оборачиваюсь. Ну и рожи. Бритоголовые оба, челюсти квадратные, у одного нос после перелома неровно сросся, бровь со шрамом.

– Добрый день, – с интересом перевожу взгляд с одного на другого. Жму в руках губку, пена под ноги падает. – Заблудились?

– Ага. Бабу эту видел?

Показывают фотографию девушки. Только по глазам узнаю в ней Дашу. Красивая. Прям очень-очень красивая. Волосы длинные, черные, блестящие, брови соболиные, улыбка открытая… Я не видел, как Даша улыбается. Ничего общего с той женщиной в темно-рыжем парике, что сейчас прячется в доме моей бабушки.

– Неа.

– Внимательней посмотри. Пацан у нее еще, – сует вторую фотографию. Саша тоже улыбчивый с модной прической. А сейчас у него короткий ежик.

– Не, не видал. Я б такую красивую запомнил.

– Я-ясно, – тянет, убирая фотографии во внутренний карман косухи. – А соседка твоя где?

– Ирка-то? Так утром на станцию увез. Пацан у нее захворал, в больницу повезла. А дороги у нас пипец просто. После дождя только на тракторе проехать можно. Мы даже застряли разок, чуть на поезд не опоздали, – снова берусь за тряп-

ку, делая вид, что занят и разговор окончен. – Машину вот по самую крышу в грязи уделал, отмываю теперь ласточку, – ворчу по-стариковски.

– В какую больницу? – нетерпеливо обрывает кривоносый. – Город какой?

– А я спрашивал, что ль? На московский села, а куда – я хз. А че натворила-то?

– Черт, – переглядываются, не отвечая на вопрос. – А ты один тут живешь?

– Чего это один-то. Жена, дети.

– Чаем напоишь?

– А вы че борзые такие? Я вас знать не знаю, чтобы в дом приглашать, еще и чаем поить.

– Вот и познакомимся, – тот, что с кривым носом, как бы невзначай задевает край кожанки. Кобура там.

Екарный бабай. Не вовремя ты, Метелкин, уехал.

– Ну чай так чай, заходите.

На слабых ногах иду вперед. В висках пульс колотится, пот струйкой по спине стекает. Ругаю себя на чем свет стоит, что втянул в эту историю Леху. И как спасти всех нас, понятия не имею.

– Семья, – с веранды кричу в дом, – у нас гости!

Может, догадались в окно сбежать…

Тщательно вытираю ноги о самотканный коврик, громко топаю. В спину слегка подталкивают.

Захожу первым и обалдеваю от увиденного.

Сашка сидит возле окна за обеденным столом, до глаз перемазанный шоколадом. Обеими руками за края держит рулет, кусает его с середины, пачкая крошками и шоколадом себя и все вокруг. Форменный поросенок. Леха по другую сторону стола ножиком вырезает что-то на Сашиной досточке-пистолете.

Ира стоит спиной к нам, шурудит через верхнюю топку печку. Одежды на ней много. С виду – необъятная женщина.

– Вот, дом мой, жена, дети, – описываю круг рукой.

– Здрас-сте, – незваные гости разглядывают «мою семью».

Леха нехотя здоровается, под челкой сверкают настороженные глаза. Саша зарылся в рулет и часто-часто хлопает ресницами. Ира не реагирует на мужиков, ковыряется в печке.

– Че это с ней? – подозрительно щурится один.

– Глуховатая стала. Осложнения после родов.

Амбал грубо трогает Иру за плечо. Она резко разворачивается с раскаленной докрасна кочергой перед собой.

– А? – делает шаг вперед.

Мужики отшатываются.

Лицо «жены» в саже, плюс очки нацепила бабушкины, с двойными линзами. Глаза навыкат получились, самому страшно стало.

– Она у меня того, – шепчу гостям. – Я ее иногда боюсь.

– У нас гости, – кричу в лицо Ире. – Чаю хотят.

– Не надо нам чаю, – пятятся. – Поедем мы.

Провожаю их до машины.

– И как ты с ней живешь? – сочувствующе.

– Дак дети же. Жалко.

Уезжают.

Несколько минут стою на улице. Трясет всего.

Отдышавшись, успокоившись, иду домой. Даша, рыдая, бросает кочергу и падает мне на грудь. Перенервничала. Обнимаю ее.

– Ну ты чего, «жена»? Испугалась?

– Очень!

– Они, между прочим, тоже.

Пацаны заливисто смеются. Я вместе с ними. Даша присоединяется к нам, хохочет, размазывая слезы по грязным щекам. Аккуратно выпутывается из кольца моих рук.

– Парни, вы молодцы! Сыграли супер! Сашок, красавчик! – показываю ему большой палец. – Леха, спасибо!

– Не за что, – польщенный Леха смущенно тупит глаза.

Забираю у него Сашкин «пистолет». Там ножом вырезан непонятный мне орнамент, но довольно симпатичный. Паренек дерево «чувствует».

– Красиво. Давно резьбой занимаешься?

– С первого класса. У нас трудовик хороший был.

– Был?

– Спился.

– Мм.

– Они вернутся, – Ира-Даша заглядывает мне в глаза. Оч-

ки сняла, карие глаза горят надеждой, что я опровергну ее слова.

– Скорее всего, – врать смысла нет. – Уезжать вам надо отсюда и как можно скорее. Можем завтра вместе уехать. Поедешь со мной, «жена»?

– Н-не знаю… – Даша в полном замешательстве замирает. Я и сам от себя не ожидал, если честно.

– Завтра? – это Леха заставляет меня оторваться от залипательного вида прикушенной нижней губы Дарьи, посмотреть на него. Что-то темное мелькает в его глазах.

– Завтра, скорее всего, вечером. Метелкину шкаф соберу только.

– Ладно, пойду я, – Леха засобирался домой. Настроение у него испортилось.

– Оставайся, пообедаем.

– Бабка ждет.

Несколько секунд прислушиваемся к топоту ног по веранде и хлопку калитки.

– Хороший парень, – Ирина провожает Алексея, глядя в окно. – На тебя чем-то похож.

– Такой же бесстрашный? – подхожу ближе к девушке, за плечи разворачиваю ее к себе. Вглядываюсь в лицо, пытаясь разглядеть в нем ту красавицу с фотографии.

Глава 15. Даша. Бесстрашный

– Такой же бесстрашный? – Роман подходит ближе, за плечи разворачивает меня к себе.

Вглядывается в лицо, словно пытается разглядеть в нем что-то важное для себя.

Тону в глубине его глаз. Озорные огоньки пляшут в черных зрачках, окруженных темно-синей радужкой. Неужели Рома действительно не испугался? Меня до сих пор трясет. Но через несколько слоев одежды, в которой я чувствую себя неповоротливым снеговиком, мне передается успокаивающее тепло рук бесстрашного мужчины.

Он что-то говорил про то, что завтра уезжает, и звал с собой? Не поеду! В один момент этот посторонний человек стал островком спасения. Чем я смогу ему отплатить, если приму его приглашение? И Саша… привяжется еще.

Нет! Не поеду!

Хоть и очень хочется спрятаться за надежной мужской спиной и позволить ему решать проблемы.

– Леша предлагал нам в подпол спуститься, а мы вот, – разорвав гипнотизирующий зрительный контакт, взглядом указываю на чумазого сыночка, с удовольствием в одно лицо поедающего рулет, – кухню тебе заляпали.

– Пустяки. Я надеялся, что вы в окно сбежите, но вы отчаянные, остались. Лично я поверил. Эти, – Роман махнул го-

ловой в сторону выхода, – мне даже посочувствовали с «женой».

– Бедный… – хихикаю, польщенная похвалой, и тут же одергиваю себя. – У тебя из-за нас будут проблемы.

А у меня проблемы с головой уже сейчас. Как я выдержала наш спектакль перед «гостями» – сама не понимаю. Каких усилий стоило не встать возле стола, отгородить собой Сашу, вцепиться в горло любому, кто попробует приблизиться к моему ангелочку. Но Леша, когда я отмела идею с подпольем, всучил кочергу и приказал «чистить» печь, а за мелким он присмотрит сам…

Адреналин после визита бандитов, как окрестили мы с Сашей наших преследователей, схлынул, на его место лавиной обрушился ужас наихудшего сценария, который мог случиться…

– Боже, – доходит до меня. – Раньше только я и Саша были их целью, а что бы они сделали с тобой и Лешей, если бы догадались, что вы нас укрываете?

Голова кружится, колени подкашиваются от слабости. Зажмуриваюсь, чтобы не упасть.

– Все прошло замечательно, – низким приятным тембром заверяет меня наш спаситель. – Улыбайся чаще, у тебя красивая улыбка, Даша.

Роман касается большим пальцем моей щеки, ведет по коже, что-то стирая. Нежно, медленно. Распахиваю глаза, чтобы понять, что движет этим мужчиной, почему он мне верит

и помогает, рискуя всем. Взгляд у него такой ласковый…

Я же грязнее Сашки!

– Не смотри, пожалуйста, у меня лицо в саже.

И вообще я… Не я.

Забылась…

Освобождаюсь от рук соседа, отворачиваюсь, тру щеки ладошками, но это же сажа! Она просто въедается в кожу, моментально размазывается и пачкает еще сильнее. Баба Стюра говорила, что сажа легче отмывается прохладной водой с мылом.

– Мы к себе пойдем. Спасибо тебе, Рома. Ты нас спас.

– Думаю, вам лучше остаться здесь. У меня тепло и практически безопасно.

Открываю рот, чтобы сказать, что это лишнее, ночевать у мужчины я никогда не буду и что подумают о нас соседи, как вдруг Саша испуганно восклицает:

– Опять дядьки приехали! – и тычет шоколадным пальчиком в стекло.

В ужасе отскакиваю от окна, хватаю кочергу.

Роман выглядывает на улицу.

– Нормально все, это свои, – рот растягивается до ушей. – Можешь больше не маскироваться. Подкрепление прибыло.

– Ты серьезно? – новая порция адреналина натягивает нервы до предела. – А если…

– Они – свои. Как в себе уверен. Не выдадут.

Мне бы его уверенность. Но и снять с себя все эти тряпки

хочется до невозможности. Будто вместе с ними избавлюсь от преследователей и от страха потерять сына.

Роман торопится встречать гостей.

Бросаю кочергу на печку, подхватываю сынульку на руки.

– Давай-ка умываться, мой шоколадный мальчик, не будем больше гостей пугать, да? Дядя Рома сказал, эти хорошие.

Отмываю Сашу от шоколада, оттираю себя от сажи. В небольшом зеркале умывальника отражаются расширенные карие глаза с лихорадочным блеском внутри. Щеки жаром горят: то ли натерла, то ли от волнения.

Сметаю крошки со стола и пола.

Прячемся с сыном в дальней комнате.

Скидываю с себя многочисленные юбки и кофты, парик. Устала прятаться. Перед Ромой и его друзьями не хочется выглядеть огородным пугалом.

Дышать без тяжелых одежд становится легче. Привожу в порядок волосы.

Сердце из груди грозит выскочить. Сажусь к сыну на краешек кровати.

– Боишься? – Саша ладошками обхватывает мои щеки, заглядывает в глаза.

– Неа, – вру, чтобы не пугать ребенка.

– И я не боюсь.

Прижимаюсь губами к детскому лобику. Вдыхаю молочно-ванильный запах моей крохи. Хорошо, что сынок пошел

на поправку. Помог грудной отвар соседки моему мальчику.

– Защитник мой! Я тебя очень-очень сильно люблю и никому не отдам!

– Я тебя тоже никому не отдам! – обещает сынок. Залезает мне на колени, обнимает за шею. Так и сидим, прижавшись, тихонечко, слушаем звуки извне.

Осматриваюсь, пытаясь отвлечься от нервного напряжения.

На этой кровати спит Роман. Я меняла здесь постельное белье, когда мы с баб Стюрой готовились к его приезду. Соседка попросила помочь, побоявшись, что сама не успеет. Не бесплатно, конечно. Я согласилась с радостью – лишняя копеечка не помешает.

Взгляд скользит по стенам. Пожелтевшие от времени обои в цветочек, тяжелые темно-синие шторы, тюль. Платяной шкаф с полотенцами и запасным комплектом белья. На боковой стене в рамках под стеклом висят черно-белые фотографии женщины и мужчины. Баба Стюра говорила, это Анна, ее покойная подруга, с мужем. Отдельно висят фото их детей и внуков – девочки-подростка и мальчика лет шести-семи. Наверное, Роман с сестрой.

На крылечке раздается слоновий топот. Прижимаю сына крепче. Я верю Роме, верю! Он не обидит нас с Сашей и другим не позволит, верно?

Не дыша, слушаю, что происходит за пределами спальни. По голосам различаю троих мужчин, один из них Романа.

Вваливаются в дом, смеются басом, пакетами шуршат.

– Проходите, располагайтесь, я сейчас, – это Рома им говорит.

Идет к нам через проходную комнату. Замирает в дверном проеме. Он меня не узнал!

Несколько секунд смотрим друг на друга.

– Кхм, – прочищает горло. – Саша, ты был прав. Мама у тебя действительно очень красивая.

Когда они успели обсудить мою внешность? Но мне приятно, что Роман считает меня красивой. Прячу улыбку за плечом сына.

– Давайте заново знакомиться, девушка, – сосед протягивает руку. – Роман Вертинский, можно просто Рома.

Глава 16. Роман. Дядьки

Выхожу встречать Павла и Глеба.

– Ну и дороги тут, – цокает языком зять, пиная колеса ботинком. Они на служебном автомобиле с прицепом приехали, тоже грязь помесили.

– Ну, – развожу руками. – Деревня же, асфальт не предусмотрен. Слушайте, мужики, я вас так рад видеть!

– Чей-то? – подозрительно косится Пашка.

Мы с ним не настолько близки, чтобы в десна целоваться при встрече, но сейчас я реально рад видеть своих здесь. Те двое из ларца с оружием уже не страшны.

Рассказываю историю Даши и о недавнем визите качков. Не тороплюсь звать друзей в дом, даю Даше время морально подготовиться к новой встрече.

– Офигеть ты интересно отдыхаешь, Ромыч, – усмехается Глеб. – Иди знакомь с подопечными или так и будешь нас на улице держать?

– Конечно, идемте!

– Эй, а помочь? – возмущается зять.

Градов выгружает из багажника пакеты с едой из ресторана.

– Что? – замечает, как мы с Глебом переглядываемся, смеясь.

– Ты как знал, что тут кормить не будут, – ржу. – Я вот на обеды к Метелкину напросился. Магазин тут бедный, сам не готовлю.

– Черт, – Павел поднимает пакеты вверх, критически осматривает, – маловато взял.

– До завтра растянешь, нет – на диете посидишь, – подкалываю его. – Идемте в дом, знакомить с соседкой вас буду.

Зять в дверные проемы боком проходит.

– Для кого такие дома строили, для гномов, что ли? – ворчит.

– Просто кто-то очень много ест, – вспоминаю назидательные слова Кролика из мультика про Винни-Пуха.

– Просто у кого-то двери маленькие, – парирует Пух-Градов, протискиваясь в очередной дверной проем.

– Много не ешь, а то застрянешь на обратном пути, – ржем с Глебом, – придется ждать, когда похудеешь.

– Я способ знаю, – многозначительно скалится великан.

– Даже не рассказывай, – хором с Глебом пресекаем Пашку и хохочем уже в три голоса.

Войдя в помещение, Градов расправляет богатырские плечи, осматривается, пристраивает пакеты на чистый стол. Глеб тоже озирается.

На кухне никого. Даша с Сашей спрятались.

– Проходите, располагайтесь, я сейчас.

Иду в дальнюю комнату. Даша на кровати сидит, Саша у нее на руках маленькой обезьянкой повис.

Оцепенев от неожиданности, стою в проеме, пялясь на девушку передо мной.

Даша сняла свои многочисленные одежды, осталась в простом трикотажном платьице. Стройная. Темно-зеленый цвет платья оттеняет фарфоровую белизну лица и шеи. Парика нет, вместо него коса черная через плечо. По широко распахнутым карим глазам узнаю девушку с фотографии амбалов, только намного красивее и с нескрываемым страхом в глазах.

– Кхм, – прочищаю горло. – Саша, ты был прав. Мама у тебя действительно очень красивая.

Даша прячет смущенную улыбку за плечиком сына.

– Давайте заново знакомиться, девушка, – протягиваю руку. – Роман Вертинский, можно просто Рома.

– Дарья Денисова, можно просто Даша, – подскакивает, подает свою руку. Щеки заливает нежным румянцем. Мило.

Пожимаю тонкие пальчики. Ноздри улавливают нежный запах ванили. Мне нравится.

– А я просто Саша! – включается в игру знакомства малыш и тоже ручонку протягивает.

– Очень рад знакомству, – по-взрослому пожимаю детскую кисть.

Мама малыша с обожанием смотрит на свое чадо и улыбается. Офигенно смотрятся, хоть картину с них пиши.

– Очень приятно, просто Даша и просто Саша. Пойдемте, познакомлю вас с родственниками. Они хорошие, – заве-

ряю. – Сашок, иди ко мне, там дядьки та-акую кучу вкусняшек привезли.

– Мне? – оживляется ребенок.

– И тебе, и маме, и всем-всем-всем.

Саша с охотой переезжает на мои руки.

– Рома, можно я не пойду? – Даша в последний момент садится опять на кровать. В глазах паника.

– Пойдем. Все будет хорошо. Вы с Сашей в безопасности.

Возле зеркала Даша притормаживает, поправляет волосы. Красивая.

С нескрываемым любопытством рассматриваю. Платье обтягивает тяжелую грудь и округлые бедра, подчеркивает узкую талию.

Хороша!

Кровь в венах стремительно ускоряется к паху, слюни во рту скапливаются. Хочу!

Заметив в отражении мой взгляд, Дарья возвращается в комнату, накидывает толстовку, повязывает платок.

– Такую красоту ничем не испортишь, – предупреждаю негромко.

Ну вот, вогнал девушку в краску.

На кухне тесно, хоть гости и сели за стол. Часть еды на столе стоит в контейнерах.

Мужики голодные с дороги. Замолкают, когда мы выходим. Пялятся на Дашу, будто женщин ни разу не видели,

смущают ее.

Стискиваю зубы. Я сам не насмотрелся на нее и сейчас… Да! Я ревную!

Подавляю в себе желание самолично облачить ее опять в матрешку.

– Кхм, – привлекаю внимание гостей, – это Даша, моя соседка, это Саша, ее сын. Глеб – мой лучший друг, Павел – муж сестры.

Здороваются.

Даша суетится, подавая приборы, тарелки, Сашу Глеб себе на колени забрал, общаются.

Зять…

Его взгляд на мою соседку меня напрягает. Встаю между ним и Дашей. Вздергиваю брови вверх – какого… на девушку пялишься? Ну давай, попробуй только подумать подкатить к ней!

Весовые категории у нас разные, но у меня есть туз в рукаве – Кира. Одно мое слово, и она порвет муженька на ленточки.

Градов ухмыляется, считав меня.

Обедают.

Даша чувствует себя неловко в компании моих друзей. Под предлогом, что Саше пора спать, уносит сына в дальнюю комнату.

– План есть, Ромыч? – Глеб понижает голос, чтобы не мешать ребенку засыпать.

– Завтра с утра собираю шкаф и еду домой. С Сашей и Дашей.

Даша согласия еще не дала, но я уговорю. Надо позвонить Дине, узнать, освободила ли она квартиру. Неделя, правда, еще не кончилась, и по-хорошему там бы ремонт сделать… В крайнем случае квартиру сниму.

– Думаешь, ее у тебя не найдут? – озвучивает опасения друг.

– Охрану найму, – пожимаю плечами.

– К родителям вези, – предлагает Градов. – А что? Забор высокий, собака злая, все под присмотром. Условия опять же, – косится на печку.

– Мать с ума сойдет. Я от нее сюда сбежал, потому что она с Диной мне плешь проела, что мы не женимся, а сейчас я с женщиной приеду и чужим ребенком.

– А ты не с женщиной… Ты с невестой и сыном приезжай. Типа встретил старую любовь, узнал про сына, срочно женишься, чтобы у пацана отец был… Ты ж все равно на нее слюной капаешь… – щурится хитрец.

Это он меня проверял, что ли?

– Даша! – негромко обращается Градов к девушке за моей

спиной. Не заметил, когда она подошла и как много слышала. – Замуж за Ромку пойдешь?

– Вы что? – вспыхивает. – Мы знакомы от силы два дня.

– Между прочим, скоропалительные браки по статистике оказываются самыми крепкими, – скалится лысый гаденыш.

– Сам придумал? – психую на зятя. Не столько его безумное предложение задело, сколько Дашин очевидный отказ.

– Понятно все с вами, – разочарованно взмахивает вилкой Градов. – Я вам реальный вариант предлагаю, а вы… Глеб, скажи им.

– Вообще Павел неплохую идею подкинул.

И Полежаев туда же. Друг, называется.

– Вы подумайте, – воодушевился Пашка. – Мы ж реально вас женить не будем, только документы нужные сделаем. Штампики в паспорта, свидетельство о браке, пацана впишем. Ну, это если потребуется. Сами потихоньку займемся вашей свекровью. Как ее зовут?

Градов достает из кармана телефон, заносит палец над экраном, готовый вбить туда данные.

– Наталья Геннадьевна Вербина, – голос Даши подрагивает.

– Вербина? – Пашка переспрашивает, переглянувшись с Глебом. – А мужа как?

– Мы не были женаты. Сашиного отца звали Игорем. Он умер.

– Кхм, – Градов, теребя пальцами подбородок, кидает ко-

роткий взгляд на меня и снова переглядывается с Полежаевым. Тот явно в теме, а вот мне совсем не нравится их красноречивый молчаливый разговор.

– В чем дело? – не выдерживаю.

– Пойдем, шурин, переговорить надо.

Встают из-за стола.

– Даш, все будет хорошо, – на секунду касаюсь запястья девушки.

Хотя сам уже не уверен.

Выхожу с мужиками на улицу.

– Глебка, ты подумал о том же, о чем и я? – спрашивает Полежаева Градов.

– Если бы не Саша, я бы еще посомневался…

– Так, в чем дело? МНЕ объясните наконец! – психую, всматриваясь в лица заговорщиков.

– Игорь Вербин, – встает напротив меня Глеб, – первый муж моей жены и отец Яны.

– Чего-о? Вы охренели, что ли? – сообразив, о ком идет речь, перевожу взгляд на Градова, жду опровержения слов Полежаева.

Зять с невозмутимым видом кивает лысой головой:

– Правда.

– Нет, – не верю им обоим, запускаю пальцы в волосы, – нет, это просто совпадение.

– А ее бывшую свекровь зовут Наталья Геннадьевна Вербина, – продолжает добивать меня друг.

– Чушь! Мало ли на свете однофамильцев…

Но вообще Саша чем-то похож на Яну. Такие же светлые волосы и голубые глаза…

– Капец… – меряю шагами ограду.

Глава 17. Даша. Прошлое – 1

На улице гололед, у меня на ногах все еще демисезонные ботинки, скользкие до ужаса. Ходить мне в них еще минимум две недели до стипендии, поэтому все мои передвижения по городу только с Кристинкой – моей однокурсницей, соседкой по комнате и лучшей подругой. Ее элегантные зимние полуботиночки на красивом каблуке совсем не скользят. Пользуясь этим, я мертвой хваткой держусь за локоть подруги, чтобы не упасть. И даже противный холодный ветер, что задувает в рукава пальто до самых локтей, не так страшен, как препятствие в виде блестящей на солнце ледяной корки.

Идем с Крис после занятий в меде. Сначала в общежитие, где у нас будет полтора часа на обед и переодевание, затем нужно ехать на другой конец города на практику. С первого курса нас готовят к врачебной деятельности. Мне все безумно нравится: и лекции с коллоквиумами, и капельницы с уколами, и даже зубрежка латинского и задачи по химии до поздней ночи.

Тяжело совмещать работу и успевать учиться, но мне нравится.

Особое удовлетворение получаю, слушая похвалу преподавателей, довольных пациентов или строгого куратора практики Веры Ильиничны. Ее уважают все: от младшего

персонала до коллег из других отделений. На нее равняются практиканты, и я в том числе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.